

5 (127)

АПРЕЛЬ
2011

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

НОВАЯ МОДЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ТРЕБОВАНИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ

Священный Синод одобрил Концепцию дальнейшего реформирования системы духовного образования

На состоявшемся 22 марта 2011 года заседании Священного Синода было заслушано сообщение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о продолжающейся реформе системы духовного образования Русской Православной Церкви.

В ходе реформы Учебный комитет при Священном Синоде разработал новую модель системы духовного образования, адаптированную к современным требованиям государственных и международных образовательных стандартов. К разработке были привлечены представители ведущих духовных учебных заведений Русской Православной Церкви; также проект обсуждался на многочисленных форумах с участием как представителей духовных академий и семинарий, так и экспертов в области образования.

Основные положения новой модели были представлены Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом

в докладе на Архиерейском Соборе в феврале 2011 г. Архиерейский Собор одобрил предложенную модель и поручил Учебному комитету, после подготовки соответствующих документов, направить их на утверждение Священного Синода.

Священный Синод на заседании 22 марта постановил одобрить:

- Концепцию дальнейшего реформирования системы духовного образования;
- Бакалаврскую программу духовных учебных заведений;
- Магистерскую программу духовных учебных заведений;
- Положение об итоговых и научно-квалификационных работах (диссертациях) в системе духовного образования;
- Положение об ученых званиях и штатных должностях.

Синод поручил Учебному комитету проанализировать промежуточные результаты, полученные в процессе апробации новой системы духовного образования в

Вступительные экзамены в Московскую православную духовную академию (фото с сайта mpda.ru)

учебных заведениях Русской Православной Церкви, и сформулировать предложения по ее дальнейшему совершенствованию.

Патриархия.ru

В номере:

Мы не посторонние в истории

О выставке «Неперемолотые» как о первом опыте экспозиции для будущего музея новомучеников и исповедников и о том, каким должен быть такой музей, размышляют Оксана Иванова и Светлана Чукавина

С. 4

Сталинской премии архиерей

Как решали святые проблему различения подлинного и ложного патриотизма?

С. 5

С чего нужно начинать катехизацию

На вопросы, связанные с темой предстоящей конференции СФИ «Традиция святоотеческой катехизации: проблемы и критерии качества оглашения современных "слушающих"», отвечают священнослужители и катехизаторы

С. 6-7

Тема литургических переводов в публикациях последних двадцати лет

Перед презентацией заключительного тома серии «Православное богослужение» «Кифа» решила посмотреть, как затрагивалась тема перевода православного богослужения с церковнославянского языка на русский в различных изданиях в постсоветский период.

Приложение «Язык Церкви» и с. 8

БРАТСКАЯ МОЛИТВА

В этом номере мы публикуем одну из молитв Николая Николаевича Неплюева из сборника «Звуки души», изданного в 1896 году. Эта молитва, как и другие, вошедшие в сборник, использовалась в богослужении Крестовоздвиженского трудового православного братства, основателем и блюстителем которого в течение многих лет был Николай Николаевич. Устраивая братство на основе «веры, действующей любовью», как часто любил повторять Неплюев, он, с одной стороны, учил своих воспитанников и братчиков обособляться от зла, существующего

в мире сем, а с другой — молиться о том, чтобы братское, любовное отношение ко всему и ко всем распространялось повсюду, по всей России — насколько только люди готовы будут воспринять евангельское слово и по нему устраивать свою жизнь. Именно поэтому молитва о России была важной частью братского богослужения.

В настоящее время сборник «Звуки души» впервые с XIX века готовится к переизданию. Он будет дополнен молитвами, опубликованными в других сочинениях Н.Н. Неплюева.

Николай Неплюев (в центре) со «старшим братским кружком», состоящим из близких по духу старших воспитанников школы

Молитва о России

На отчизну нашу, Империю Русскую, излей благодать Твою, Боже!

Да соединятся все народы, ее населяющие, в одну семью, Тебя, Отца Небесного, единомысленно исповедующую, всю

жизнь свою единомысленно по вере устрояющую, да будет стадо едино и Един Пастырь. Да будет хлеб насущный телесный и духовный для всех без изъятия. Да будет мир и любовь между всеми нами и да будут бессильны козни врагов внутренних

и внешних, злых сеятелей плевел на ниве Твоей, писанием, словом или делом вносящих шаткость в умы, горечь в сердца, соблазн, раздор и всякую скверну в жизнь.

Пошли, Господи, деятелей добрых на русскую ниву Твою. Да огласят они ее глаголами Правды Твоей, да просветят ее примером жизни по вере. Пошли, Господи, народу русскому чуткость сердца, да разумеет он святые речи избранников Твоих. Да разумеет он святую волю Твою и неизменно и с радостью творит ее, да будет Русь воистину свята, да соединится она единомысленно и единомысленно в одно великое Братство Христово, мыслью, словом и делом верное Богу и Христу Его. Да будет наша Русь светом мира и солью земли, да видят все народы пример доброй христианской жизни и прославят Отца Нашего Небесного. Господи, Владыко мира, посети отчизну нашу благодатию Своею, да облечется она святостью, как ризою, и да будут сыны ее в смиренности своем достойны одежды брачной, в ней же войти надлежит в чертоги Царствия Твоего.

Дай, Господи, России пройти путь покаяния и осознания в смиренности. Дай, Господи, ей преобразования.

Фото любезно предоставлено Валерием Авдасёвым, директором музея «Трудовое братство Н.Н. Неплюева»

Новый перевод Евангелия от Матфея обсудили на кафедре Священного писания и библейских дисциплин СФИ

24 марта 2011 года на кафедре Священного писания и библейских дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института состоялся семинар, посвященный обсуждению нового, еще не завершеного перевода Евангелия от Матфея.

Этот перевод — плод многолетнего труда Михаила Селезнева, кандидата филологических наук, зав. кафедрой библеистики Общественной аспирантуры (1991–2010 — главный редактор Российского библейского общества, 1996–2010 — руководитель проекта РБО по переводу книг Ветхого Завета на современный русский язык) и помогающих ему переводчиков, среди которых — Анна Шамина-Великанова, Ирина Левинская и другие известные специалисты.

Важной особенностью настоящего перевода является то, что авторы работали в русле существующей русской церковной переводческой традиции, учитывая опыт и особенности наиболее широко используемых переводов Священного писания, прежде всего — синодального.

Для новых евангельских переводов, претендующих на широкую, общенациональную, в том числе церковную, аудиторию, чрезвычайно важно их обсуждение в среде не только профессионалов, но и верующих людей. Участники семинара — специалисты по библейским переводам, филологии и библеистике — выразили надежду на то, что СФИ сможет и в дальнейшем быть площадкой, предоставляющей возможность церковного и в то же время профессионального обсуждения новых переводов Священного писания. Следующий семинар, посвященный обсуждению данного перевода, состоится в ближайшее время.

Информационная служба СФИ

Выходит в свет первое полное собрание трудов и писем епископа Михаила (Грибановского)

Издание, озаглавленное «Сочинения, письма, жизнеописание», появится в рамках книжной серии «Русская богословская библиотека».

Епископ Михаил (Грибановский) (1856–1898), глубокий и оригинальный мыслитель, до сих пор, к сожалению, мало известен современному читателю. Владыка Михаил принадлежал к тому новому поколению русских богословов, которое сформировалось в 1880-х годах XIX столетия, усвоив, с одной стороны, достижения современной (западной и русской) философии, а с другой — провозгласив решительный «возврат к отцам». Будучи человеком глубокой молитвенно-созерцательной жизни, он принимал мало участия в церковно-общественной деятельности той эпохи, но в известном смысле дал скрытый импульс многим важным процессам, приведшим в конечном счете к Собору 1917–1918 гг.

В книгу вошли все опубликованные до революции сочинения и письма владыки (из неопубликованного к числу наиболее значительных утрат на сегодня следует отнести кандидатскую диссертацию владыки Михаила о Гераклите и его дневники), а также весьма подробное «Жизнеописание», составленное его другом и почитателем А.И. Леонтьевым. Кроме того, в приложениях помещены воспоминания и отклики на кончину владыки Михаила и некоторые статьи и проповеди митрополита Антония (Храповицкого), относящиеся ко времени знакомства и дружбы двух выдающихся иерархов.

Открывают издание статьи доктора исторических наук Н.Н. Лисового и канди-

дата богословия священника Павла Хондзинского, посвященные жизни и наследию епископа Михаила.

Следует отметить, что выходящие до сих пор переиздания отдельных его трудов и переписки в новейшее время никогда не комментировались и в лучшем случае воспроизводили лишь дореволюционный комментарий. В настоящем издании эти комментарии практически полностью сохранены, уточнены и значительно дополнены Н.Н. Лисовым и редактором Ж.П. Григорьевой, кандидатом богословия В.П. Легой, которым прокомментированы философско-богословские аспекты сочинений владыки Михаила «Истина бытия Божия» и «Лекции по введению в круг богословских наук».

Патриархия.ру

В мире за веру преследуют прежде всего христиан

Изучив 33 страны, британский отдел католической организации «Помощь нуждающейся церкви» (Aid to the Church in Need) в своем отчете за 2011 год под названием «Гонимые и забытые? Отчет о христианах, преследуемых за веру» сообщил, что 75% религиозных преследований приходится на долю христиан, при этом большинство преследований происходит на Ближнем Востоке, в Африке и Азии.

Отчет также сообщает, что кроме общеизвестных стран — Китая, Ирана, Северной Кореи и Саудовской Аравии — случаи религиозных преследований зафиксированы в таких странах, как Венесуэла, Зимбабве и даже Святая Земля. Христиане сталкиваются с сильными гонениями в 22 странах среди рассмотренных 33, причем наихудшая ситуация для верующих сложилась в таких странах, как Египет, Ирак, Нигерия и Пакистан. По данным отчета, сто миллионов христиан во всем мире подвергаются гонениям.

В отчете также указывается, что христиане являются мишенью растущего национализма в таких странах, как Бирма, Индия, Шри-Ланка.

Член Католической церкви Энн Видекоумб, известный британский политик, с недавнего времени — специальный посланник по религиозной свободе христианской организации «Помощь нуждающейся церкви» — сказала, что она «все больше обеспокоена» сообщениями о запугивании и жестокости по отношению к христианам. Она также подчеркнула несостоятельность попыток британского правительства защитить права религиозных меньшинств в собственной стране и его тенденцию не замечать преследований христиан в других странах.

«Пора поднять наши головы и заступиться за христиан, страдающих за свою веру», — сказала она. «Я рада поддержать работу организации «Помощь нуждающейся церкви», которая много делает, чтобы помочь преследуемым христианам».

Британский кардинал Кит Обрайен из Эдинбурга недавно назвал преследования христиан «самым большим скандалом по правам человека нашего поколения».

Седмица.ру

Католическую Церковь Австрии покинуло рекордное со времен Второй мировой войны число верующих

«В Австрии в 2010 г. покинули Католическую Церковь так много ее членов, как никогда со времен Второй мировой войны», — заявил на весеннем пленарном заседании Католической конференции австрийских епископов кардинал Кристоф Шенборн, архиепископ Венский, сообщил сайт domradio.

В прошлом году Католическую Церковь в Австрии оставили 87 393 ее члена, что является самым высоким показателем с 1945 г. Основные причины массового ухода — злоупотребления и скандалы среди клира, заявил кардинал Кристоф Шенборн.

В настоящее время общее число католиков в Австрии составляет 5,45 млн че-

ловек, что на 1,4 % меньше, чем в 2009 г. Кардинал Шенборн призвал к «открытой дискуссии» по всем спорным вопросам церковной жизни.

Епископ Майнца кардинал Карл Леманн констатирует, что ежегодно диоцез Майнца «теряет по численности большой церковный приход», в среднем около 4500–5000 человек.

Епископ призвал «проявлять заботу о каждом решившем покинуть Церковь человеке». Кардинал Леманн настаивает на необходимости бесед с каждым остающимся Церковь католиком.

Заботу о каждом выразившем готовность покинуть Церковь кардинал обозначил как одну из важнейших пастырско-миссионерских задач. «Не только священнослужители, но каждый христианин должен проявить участие в жизни людей, решивших покинуть Церковь», — призвал епископ Майнца в пастырском послании от 20 марта, которое было озвучено во всех приходах диоцеза.

Кардинал считает, что каждый священник, теряющий прихожан, может приглашать их для беседы о причинах выхода из Церкви: «Если в ходе разговора прихожанин показывает твердость своих намерений, то, по крайней мере, человек будет знать, что Церкви его судьба безразлична».

Следует упомянуть также, что в последнее десятилетие примерно 300 человек ежегодно возвращались в Католическую Церковь или становились ее членами через таинство Крещения. В 1990-е гг. их число равнялось примерно 400 в год.

Кардинал четко указал на последствия выхода из Церкви, заявив, что после этого невозможно никакое участие в таинствах: покинувший Церковь не может ни стать крестным, ни просить совершить над ним отпевание в случае смерти, если он не раскается.

Наконец, кардинал подчеркнул, что оставивший Церковь может «в любое время вернуться». Однако это не должно быть пустой формальностью: «необходимо глубокое раскаяние и готовность к внутренним переменам».

Воссоединение с Церковью происходит в присутствии священника и двух свидетелей.

По материалам сайта Седмица.ру

Религиозные лидеры и чиновники подвели первые итоги преподавания основ религиозных культур и светской этики

Представители традиционных религий и Министерства образования и науки РФ высказали свои замечания, выводы, пожелания к эксперименту по введению в средней школе курса «Основы религиозной культуры и светской этики» и ответили на вопросы прессы в конференц-зале ИТАР-ТАСС 23 марта. В обсуждении участвовали председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской православной церкви епископ Зарайский Меркурий, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, первый заместитель председателя Центрального духовного управления мусульман России муфтий Альбир Крганов, председатель Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России Зиновий Коган, представитель Федерации еврейских общин России (ФЕОР) Андрей Глоцер и представитель Минобрнауки РФ Елена Романова.

«Нравственное воспитание необходимо детям любого возраста», — считает епископ Зарайский Меркурий. Он напомнил, что «духовно-нравственное воспитание личности» входит в федеральный образовательный стандарт нового поколения. Годичный курс «Основ религиозной культуры» «не закрывает все брешы» в воспитании детей, считает епископ. Он озвучил предложение преподавать в младших классах «общие основы нравственности: сострадание, милосердие, заботу о родителях», в средней школе говорить о религиозной культуре, к которой принадлежат родители школьников, а в старших классах проводить сравнительный курс религиоведения.

Напряженное обсуждение вызвал, казалось бы, обыденный вопрос о статистике: каким «спросом» пользуются разные религиозные модули. Муфтий Альбир Крганов привел данные о Чувашии: несмотря на то, что в регионе живет много мусульман, самыми востребованными оказались курсы светской этики и основ православной культуры. Основы мусульманской культуры в сентябре 2010 года начали изучать всего лишь 1,8 % школьников. Елена Романова из Минобрнауки заявила, что задача министерства не считать детей как «поголовье», а предоставить родителям возможность выбора между разными религиозными направлениями. Очень мало родителей и школьников во время апробации в 21 регионе выбрали курс «Основы иудаизма». Не так много традиционных еврейских семей живет в этих регионах, констатирует З. Коган, а дети из таких семей уже знают все то, что составляет ознакомительный курс по иудаизму для школьников и поэтому предпочитают учить «основы мировых религий». По его оценке, в больших городах, где живет много евреев, большая часть школьников будут изучать иудаизм.

Зиновий Коган констатировал, что в русских и еврейских семьях, в отличие от мусульманских семей на Северном Кавказе, утрачена традиция семейного воспитания. Для него главная задача курса «Основы религиозной культуры» — вернуть ребенка к своим корням. Курс «ОРК СЭ» методически построен так, чтобы ребенок обсуждал новую информацию и трудные вопросы с родителями, отметила представительница Минобрнауки. Благодаря этому родители смогут наверстать упущенное, сказал епископ Меркурий. «Возможно, школьный курс для детей поможет родителям прийти в свои традиционные общины — храмы, мечети, синагоги», — надеется З. Коган.

До сих пор не решена проблема с учебными пособиями по новому курсу, так как многие из них написаны поспешно и до сих пор не отредактированы. Муфтий Альбир Крганов сказал, что учебник, подготовленный учеными Московского исламского университета, необходимо «скрасить», сделать более доступным для детей. Андрей Глоцер, один из авторов учебника «Основы иудаизма и светская этика», признает, что редакторы допустили в нем много ошибок. Представители Русской православной церкви напомнили о «вакууме» методических пособий для учителей, в том числе хрестоматий, иллюстративного материала. «Редактировать учебники начнут уже в апреле», — заявила Елена Романова — Для этого уже сформировано «методическое объединение»: авторы учебников, представители РАН, РАО, которые исправят ошибки и дополнят пособия авторскими методиками учителей региональных школ». Предложения о поправках, по словам чиновника, должны быть готовы к сентябрю.

Самым положительным результатом на сегодня, по словам епископа Зарайского Меркурия, стало то, что новый предмет не провоцирует межрелигиозной розни: «Представители разных конфессий, чиновники и педагоги научились общаться». По словам Е. Романовой, сейчас разрешены проблемы, с которыми сталкивались учителя и ученики в начале учебного года: были допечатаны тиражи учебников, которых катастрофически не хватало. А. Глоцер напомнил о жалобах родителей, которых «угрозовали» выбрать общий для всех модуль, так как у школы не хватало педагогов, чтобы вести основы разных религий. По его мнению, это не проявление антисемитизма, а распространенная административная проблема, которую можно решить.

Протоиерей Всеволод Чаплин рассказал о рекомендациях, которые были даны регионам в результате мартовского заседания координационного совета по взаимодействию с религиями при президенте РФ. В частности, совет рекомендовал региональным управлениям образования активнее разъяснять суть эксперимента его участникам — родителям и педагогам.

Справка: Комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» включает 6 модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Один из модулей изучается обучающимися с его согласия и по выбору его родителей (законных представителей).

Елена Мартынова
Благовест-инфо

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД ПРИНЯЛ РЯД РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Решением Священного Синода образованы новые епархии Русской Православной Церкви:

— Пятигорская и Черкесская епархия (включающая приходы Минераловодского, Предгорного и Кировского районов, а также республик Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии);

— Владикавказская и Махачкалинская епархия (включающая приходы республик Северной Осетии — Алании, Дагестана, Ингушетии и Чечни).

Переименованы епархии:

Архиереям Ставропольским и Владикавказским определено впредь иметь титул Ставропольский и Невинномысский.

Епископу Бакинскому и Прикаспийскому Александру определено впредь иметь титул Бакинский и Азербайджанский.

Произошло множество новых назначений и перемещений в рамках епископата РПЦ:

Епископом Пятигорским и Черкесским определено быть епископу Смоленскому и Вяземскому Феофилаксу. На Владикавказскую и Махачкалинскую кафедру назначен архиепископ Элистинский и Калмыцкий Зосима.

Епископом Ставропольским и Невинномысским назначен епископ Павлово-Посадский Кирилл, викарий Московской епархии, с сохранением за ним должности председателя Синодального комитета по взаимодействию с казачеством.

Епископом Элистинским и Калмыцким определено быть архимандриту Зиновию (Корзинкину), клирику Курской епархии.

Архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан назначен на Челябинскую и Златоустовскую кафедру.

Решением Синода возглавить вдовствующую Вятскую и Слободскую епархию определено архиепископу Хабаровскому и Приамурскому Марку.

На Хабаровскую и Приамурскую кафедру назначен архиепископ Петропавловский и Камчатский Игнатий.

Епископом Петропавловским и Камчатским определено быть игумену Артемию (Снигуру), наместнику Михаило-Архангельского мужского монастыря с. Козиха Ордынского района Новосибирской области.

В связи с назначением епископа Смоленского Феофилакта на кафедру Пятигорской епархии епископом Смоленским и Вяземским определено быть епископу Орехово-Зуевскому Пантелеймену, викарию Московской епархии, с сохранением за ним должности председателя Отдела по церковной благотворительности и социальному служению.

По состоянию здоровья митрополит Челябинский и Златоустовский Иов почислен на покой. Местом его пребывания определен город Москва.

Священный Синод удовлетворил прошение митрополита Ювеналия об освобождении его от должности председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. Комиссия была образована в 1989 году во исполнение решения Поместного Собора Русской Православной Церкви 1988 года. За истекший период на основании трудов комиссии, действовавшей под бессменным председательством митрополита Ювеналия, к лику святых Русской Православной Церкви были причислены 1866 подвижников благочестия, в том числе 1776 новомучеников и исповедников Российских. Священный Синод выразил ему глубокую благодарность за плодотворные труды на должности председателя Комиссии. Новым председателем Синодальной комиссии по канонизации святых назначен епископ Троицкий Панкратий, викарий Московской епархии, наместник Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

На заседании Священного Синода было утверждено «Положение о практике запрещения клириков в служении и почисления клириков за штат». В нем, в частности, говорится: «Каноническое предание Православной Церкви рассматривает запрещение в священнослужении, наряду с другими видами прещений, налагаемых на клириков и мирян, как способ исправления согрешившего. <...> С целью укрепления канонической традиции в Русской Православной Церкви определяется:

1. При наложении на клирика наказания в виде запрещения в священнослужении в указе о запрещении должны быть непременно прописаны причина прещения, церковно-правовое обоснование (ссылка на каноны или иные церковно-правовые источники) и определенный срок, на который накладывается прещение.

2. По истечении срока прещения с клирика снимается запрещение в служении указом правящего архиерея. Однако если правящий архиерей полагает, что клирик пребывает нераскаянным, то срок прещения может быть продлен отдельным указом, либо, в случае упорного нераскаяния, может быть инициирован вопрос о снятии с клирика сана».

3. В случае если, по мнению епархиального архиерея, клирик принес достойные плоды покаяния до истечения срока наказания, прещение может быть снято с него досрочно.

В положении также сказано: «При почислении клирика за штат (на покой), соответствующий указ следует формулировать следующим образом: «Имярек почисляется за штат (или на покой) N-ской епархии с правом перехода в другую епархию, но без права служения вне N-ской епархии до направления отпускной грамоты в иную епархию <...> Правящим архиереем, в епархиях которых служат заштатные клирики иных епархий, надлежит до 1 декабря 2011 года урегулировать их положение, запросив на них отпускные грамоты и личные дела, либо сообщив им о невозможности служить в пределах их епархий <...> К 01.07.2011 г. всем епархиальным архиереям надлежит направить в Управление делами Московской Патриархии информацию о запрещенных в епархии клириках, о заштатных клириках епархии, а также о заштатных клириках других епархий, служащих в данной епархии, — по состоянию на 01.05.2011 г». Положение направлено в епархии для исполнения.

Еще одним решением стало создание Высшего Церковного Совета, с инициативой создания которого выступил на Архиерейском Соборе в феврале 2011 года Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

По материалам журналов заседания Священного Синода от 22 марта 2011 года и сайтов Благовест-инфо, Патриархия.ru

«Его судьба оказалась страшно горестна»

Скончался Андрей Плиузов (22.12.1956, Новосибирск — 26.03.2011, Москва), специалист по истории Русской православной церкви, истории Руси и древнерусской литературы.

Канд. истор. наук Е.В. Белякова, автор работ по истории Русской церкви:

Андрей Иванович Плиузов — очень значимая фигура в нашем историческом мире, в каком-то смысле символическая. Мне он всегда напоминал ярко вспыхнувшую лампочку. Он выпустил «Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века» — очень нужное издание. Оно было сделано, конечно, наспоро. Издано на плохой бумаге, примечания уходили назад. Но все равно это был новый этап, потому что очень многое оживило в его трудах. Всё то, что являлось уже устаревшим, омертвевшим, у него чуть ли не в детектив превращалось. События XV—XVI веков, особенно полемика по церковным вопросам, борьба с «жидовствующими» — всё это становилось у него очень ярким.

Он обращался непосредственно к рукописям, писал о скрипториях. У нас до сих пор очень немного историков, которые этим занимаются, их можно перечислить по пальцам. Его статьи, очень интересные, издавались в 1990-е годы в небольших сборниках маленькими тиражами. Сейчас издан уже сборник его статей.

Его судьба оказалась страшно горестна. Я до сих пор не знаю, почему он оказался в Америке. Понятно, что там можно работать с книгами, но нельзя работать со славянскими рукописями, их там нет. Затем болезнь, которая прекратила его работу. Это все очень трагично и жаль, потому что он очень много мог сделать.

Л.В. Комиссарова, зав. Богословским колледжем СФИ, преподаватель «Введения в историю Русской православной церкви»:

Андрей Иванович преподавал у нас спецкурс «Проблемы истории Русской православной церкви». Он был замечательным специалистом по концу XV — началу XVI в., исследовал проблему ересей на Руси этого периода и борьбы двух направлений: стяжательного и нестяжательного. Потом уже, после окончания института, я читала его труды, он достаточно много писал на эти темы, и всегда это были очень интересные книги, очень качественно написанные. Он был настоящий историк — не просто преподаватель истории. Все его работы всегда были очень обоснованными. Он не продвигал какие-то свои идеи, поэтому к нему было очень большое доверие как к историку. При этом у него не было желания быть отстраненным и объективным, т.е. давать фактический материал, не давая ему никакой оценки. Часто бывает так, что, излагая какие-то факты, историк хочет остаться объективным и никакого своего отношения к ним не высказывает, не анализирует материал и не строит гипотез. И конечно, это очень нетворческий подход. Андрею Ивановичу удалось избежать этого.

Он никогда не говорил о своей вере, но его подход к церковной истории был подходом верующего человека. Он не боялся острых вопросов, не боялся полемики, дискуссий. В то же время никогда не был агрессивным, никогда не стремился приукрасить русскую церковную историю или, наоборот, показать все в черном цвете. И любовь к истории Русской церкви привил мне именно он.

**Информационная служба СФИ
Фото Евгения Фоминых**

ТРИ ВЕКА ДУХОВНОГО САМИЗДАТА

Смысл выставки, открывшейся 16 марта в выставочном зале мемориального комплекса «Медное» в Твери (ул. Симеоновская, 39), ясен из ее названия: «Слово изреченное: три века русского духовного самиздата». В наше время, когда многие люди перестают читать и верить слову, и устному, и печатному, важно помнить эпоху, когда слово ценилось очень дорого и за него порой платили жизнью.

Выставка «Слово изреченное...» посвящена малоизученной теме неформального издания духовных текстов в условиях официального запрета на их публикации. Впервые в Твери показываются подлинные шедевры самиздата XVIII, XIX и XX веков, в том числе уникальные документы старообрядцев. Каждый из них — со своей неповторимой, подчас драматической историей и часто связан с биографией автора, жившего ярко и свободно.

Экспонаты выставки дают возможность прикоснуться к пласту истории, незнакомому большинству наших современников. Здесь печатные и рукописные духовные тексты православных и старообрядцев разных согласий, документы и фотографии, а также подлинные предметы быта.

К открытию в Твери выставку готовили представители Преображенского сообщества малых православных братств — Оксана Иванова (Екатеринбург) и Игорь Корпусов (Тверской госуниверситет), а также заместитель директора МК «Медное» по науке Елена Образцова и научный сотрудник этого мемориала Иван Цыков, сотрудники объединения «Культурное наследие» Оксана Иванова.

на пожертвований простых людей из разных городов России и зарубежья. Именно члены Преображенского сообщества и собирали редчайшие экспонаты.

О том, что духовный самиздат помогал преодолевать страшное давление безбожного государства, говорил и директор Тверского филиала РГГУ доцент Владимир Лавренов, член Государственного геральдического совета при Президенте России.

На редчайших фотографиях — подпольные типографии и съезды старообрядцев, старушки, от руки переписывавшие толстые книги, и монахи, ведущие жизнь неяркую, но отвечающую духовным потребностям глубоко верующих людей. А в углу кожаный портфель и авоська с запрещенной властями духовной литературой.

... Первую экскурсию по выставке провела представительница объединения «Культурное наследие» Оксана Иванова.

На церемонии открытия присутствовали члены клуба жертв политических репрессий «Достоинство» (руководитель Галина Погудкина), крупнейший знаток биографии святой благоверной княгини Анны Кашинской кандидат наук Галина Гадалова (ТвГУ), заведующая отделом областной библиотеки имени Горького Татьяна Лобачева и многие другие. Выставка будет работать до 16 апреля, а затем предполагается открытие выставки «Неперемолотые», которая пробудет в Твери до лета.

По материалам статьи Игоря Мангазеева в газете «Вече Твери»

МЫ НЕ ПОСТОРОННИЕ В ИСТОРИИ

В недавнем интервью нашей газете Оксана Иванова (Свято-Екатерининское братство, г. Екатеринбург) уже рассказывала о том, как родилась мысль о выставке «Неперемолотые». Сейчас, когда уже можно говорить о большом успехе выставки, мы попросили её подвести первые итоги.

— Что больше всего затронуло людей?

— Думаю, что людей затронуло не столько что, сколько как. Сама тема, с одной стороны, на слуху, с другой — она обычно представляется весьма абстрактно, «вообще». Ужасные мучения претерпели хорошие люди, но как это соотносимо с моей жизнью сегодня, непонятно. Изучив опыт предшественников, я поняла, что такое явление, как новомученики, интерпретируется в музейном пространстве часто наполовину, т.е. в основном в описании мучений и страданий, которые без слова надежды подавляют людей, устрашают. В нашей экспозиции была попытка дополнить этот опыт и сделать акцент на части «ново», т.е. что нового, вдохновенного, никакими ужасами непобедимого принесли нам эти люди. Новые образы пастырства — странствующий священник, тайный священник, исповедник, полжизни проведенный в лагерях и ссылках, творчество в спецпоселениях и тюрьмах. Опыт их победы — некоторые сохраняли свободу и служение, найдя для этого новые формы, а те, кто был в заключении — радостно хранили и преумножали веру, были удачливы даже в проповеди уголовникам. Даже там, где подвиг «до смерти», есть надежда — либо семья сохраняется и сохраняет веру, память об отце-мученике, либо благодарные потомки не только хранят память, но и увековечивают ее. Например, в виде мемориальной доски в храме, радиопередачи, архивных материалов. И потом, мы старались показать преемственность. От мучеников времен революции — к исповедникам и мученикам 1930—40-х гг., от выживших исповедников — к уверовавшей советской молодежи 1960—70-х гг., от них — к нам, членам Преображенского содружества. Кажется, удалось об этом не только сказать, но и показать, а где-то и доказать. Вот это, на мой взгляд, и нравится посетителям выставки. Во-первых, XX в. дал много нового и вдохновенного духовного опыта, а во-вторых, мы — не посторонние в этой истории, а прямые наследники. Наследники не столько мук и страданий, сколько вдохновенных откровений и духовных побед. Это не может не просветлять наши души и умы особой надеждой и радостью. Плюс личная встреча с эпохой, личностями. Благодаря достаточному количеству подлинных экспонатов эта встреча у многих происходит.

— А что оказалось не очень удачно, не до конца продумано, что хотелось бы в будущем исправить?

— Мне трудно сказать. Создание этой выставки было окружено таким количеством чудес, знамений, особой Божьей милости и сострадания, что отказаться от этого нет возможности. Момент личного недостойства, конечно, присутствует и ранит, но и смиряет. Я воспринимаю эту выставку не столько как личное творчество, сколько как необходимость проявления, раскрытия образа святых людей, моих земляков, тех, кто просиял на моей родине. Это сродни, может быть, иконописи. Мастерство имеет, конечно, большое значение, но избранный образ намного важнее. Свидетельства посетителей выставки о том, что встреча с новомучениками и исповедниками происходит, убеждают в правильности выбранной экспозиционной стратегии. В будущем важно это вдохновение и дар сохранить, но это, боюсь, не в моей власти. Важна в будущем организация экскурсионной работы, доступность экспозиции широким слоям посетителей. Не очень удачным считаю свой опыт общения с подростками, вот это хотелось бы исправить. Хотелось бы больше профессионального освещения — экспозиция о святости должна быть с хорошим светом. Но это скорее технические моменты и вопрос возможностей.

— Что Вы могли бы посоветовать организатором других подобных выставок?

— Не чувствую себя вправе учить других. У каждого автора и музея свои возможности, задачи. Мне кажется, что любой музейный проект на эту тему очень важен, даже если он и не будет очень удачным. Сейчас, на мой взгляд, время для получения опыта, нахождения адекватного музейного языка, способного рассказывать нашим современникам о жизни святых XX в. Это не просто по многим причинам. Во-первых, чем ближе история к нам, тем труднее о ней говорить, во-вторых, очень мало экспонатов. На одних архивных делах выставку не построить. В-третьих, немного исследователей, трудности с архивами и пр. и пр. Каждому организатору желая Божьей помощи и хотелось бы знать о новых проектах. Вот более общего пространства музейных проектов на цер-

На выставке

ковные темы очень бы хотелось, это правда. Но это уже пожелание к церковным СМИ.

— Можно ли говорить о реакции церковной и светской, есть ли тут нюансы, различия?

— Реакция есть. И церковная, и светская. По-моему, и та, и другая весьма позитивная. «Гастроли» нашей выставки по светским музеям расписаны чуть ли не на год вперед. Это удивительно! Практически без усилий с нашей стороны. Значит, светская культура приняла наш язык, считает его доходчивым для наших современников в разных городах, это вызывает острое чувство благодарности. Церковные люди из разных городов, совсем не только члены нашего Содружества тоже по преимуществу либо принимали очень живое участие в создании выставки, либо очень благосклонно ее приняли и оценили. В этом заслуга скорее тех святых, о которых наш проект рассказывает, чем наша, но в целом выставка имеет удивительно умиротворяющий и соединяющий церковный и общественный потенциал, который мы и стараемся актуализировать.

Вопросы задавали Александра Колымагина, Максим Дементьев, Анастасия Наконечная
Фото Татьяны Авилевой

КАК ПЕРЕЙТИ ОТ ХРОНИКИ К СМЫСЛУ

Интервью со Светланой Чукавиной, председателем малого православного братства во имя новомучеников и исповедников Российских

— На моей памяти разговоры о том, что в Преображенском братстве будет музей новомучеников, ведутся уже несколько лет, и очень предметно — в течение последнего года. А как вообще возникла такая идея?

— Она возникла в связи с тем, что в нашем братстве необходимость обращаться к опыту новомучеников и исповедников российских всегда считалась очень насущной. Почему? Потому что в этом опыте было дано для церкви откровение о ее пути, о ее жизни, которое нам сегодня необходимо воспринимать и наследовать. Много раз духовный попечитель нашего братства отец Георгий Кочетков давал на эту тему интересные интервью, рассказывал о своем опыте общения с исповедниками веры. И когда об этом читаешь, когда разговариваешь с людьми, которые действительно имели опыт такого общения, понимаешь, что на сегодняшний день наследие новомучеников и исповедников оказалось и не изученным всерьез, и не востребованным.

Сейчас многое сделано для того, чтобы были известны имена людей, которые так или иначе пострадали за веру. Работает комиссия по канонизации, делается действительно много, но нам кажется, что важнее всего, чтобы всем нам было открыто необходимое для сегодняшней жизни церкви смысловое зерно их подвига, чтобы оно стало для нас ясным. Если говорить о конкретике, то все-таки 1920-е годы (до 1929 года приблизительно) — это время расцвета церковной жизни вообще и, в частности, время нахождения пути жизни церкви общинами и братствами. Дореволюционные братства в основном были приходскими. А вот в 1920-е годы, когда уже многие приходы были закрыты и стали невозможны какие-то формы существования церкви, общепринятые до революции, оказалось, что есть другие формы, и что в них подлинный опыт жизни церкви не меньше, а больше. Это можно увидеть, например, в опыте жизни мечевских общин или киевских общин

о. Анатолия Жураковского. Это был не очень распространенный опыт, но все-таки он был. Это лишь одна сторона из того, что важно для нас в опыте исповедников, но много есть и другого.

— Невольно возникает вопрос: а что вообще из жизни этих общин и братств могло остаться такого, что возможно выставить в музее? Наверняка ведь просто ничего не осталось, хорошо, что остались хоть какие-то воспоминания тех, кто застал младшее поколение этих общин, как мы застали Катю Савельеву еще живой...

— Нужно сказать, что современные музеи с историческими по своей теме экспозициями очень часто содержат мало подлинных вещей (а то и вовсе их не содержат). Сейчас нет таких музеев, в которых лежало бы невероятное количество мемориальных предметов, особенно если это касается истории XX века в России. Недавно в храме Христа Спасителя проходила выставка, посвященная истории Соловецкого монастыря, включающая и раздел XX века, и собственно Соловецкого лагеря — и там не было вообще никаких мемориальных вещей. Тем не менее осмысливать этот опыт и как-то его представлять надо — в фотографиях, в копиях, может быть, в письмах. Надо начать собирать экспонаты для такой экспозиции, и тогда будет видно, есть что-то еще или нет. Иногда какие-то мемориальные вещи приходят неожиданно. Так, например, вдруг обнаружилось, что у сестры из нашего братства, Марии, есть дальняя родственница, мама и тетя которой были членами Крестовоздвиженского братства Н.Н. Неплюева. И тут же нашлись старые фотографии, дореволюционные печатные издания, которые были дома. Поэтому мы не знаем, что найдется. Могут найтись какие-то вещи.

— Здесь поневоле сразу вспоминается, что среди тех, кто стоял у истоков нашего братства, есть люди, которые действительно общались с новомучениками и исповедниками, и я знаю, что эти люди иногда что-то дарили или передавали.

— Да, у нас есть несколько очень ценных именно таких вещей. Их немного, но они есть.

— И они тоже предназначены для музея?

— Всё, что есть у отца Георгия и у Александра Михайловича Копировского, найдет свое место в музее.

Хотя в целом, конечно, подлинных вещей в экспозиции, наверное, будет немного.

— А что будет?

— Будут фотографии, документы, воспоминания, интервью, видеоматериалы.

— Тогда ведь встает вопрос о подлинности интерпретации, о том, чтобы неповрежденным остался смысл. Потому что можно все это на уровне подачи материала повернуть и в одну, и в другую сторону, что мы, собственно говоря, иногда уже и видим, когда речь идет о памяти новомучеников. Иногда из них делают некие неживые житийные иконы, которые невозможно соотносить со своей жизнью, иногда упирают на какие-то политические выгодные или конъюнктурные мотивы, представляя все так, как это удобно авторам интерпретации. Как можно будет этого избежать в таком музее?

— Не знаю. Это вопрос очень сложный, ведь для того, чтобы адекватно воспринимать этот опыт, нужно уметь читать даже книги, которые издавали новомученики. По-настоящему узнаваем лишь тот опыт, который есть хотя бы отчасти у тебя самого. Если есть опыт жизни в общине и братстве, то ты способен увидеть, насколько он созвучен тому, что было в XX веке. Если есть опыт оглашения, ты и его узнаешь: например, когда я читала богословские эссе о. Василия Экземплярского, мне было очевидно, что это катехизические беседы. Если же у человека нет такого опыта, то его бывает невозможно ни увидеть, ни воспринять адекватно. В таком случае на первый план выходят вопросы общего устройства церкви, политики и т.д.

И потом — все-таки остались письменные свидетельства: собственное письмо, воспоминания и т.д. Они могут не слишком уклоняться в собственные интерпретации.

— Выставка «Неперемолотые» — это некоторая заявка на то, что будет в музее, анонс, или это никак не связано?

— Это скорее первый опыт. Нам действительно было очень трудно подступиться к тому, чтобы начать наконец что-то делать практически, несмотря на то, что говорим мы об этом действительно уже несколько лет. А здесь как-то все совпало: и желание Оксаны Ивановой сделать такую выставку, и возможность взять какие-то материалы в уральских музеях и архивах. Так что это первая попытка средствами экспозиции о чем-то рассказать. И мы думаем, что та часть музея, которая будет посвящена истории церкви XX века, вероятно, будет именно такой — выставочной, и экспозиции будут время от времени меняться. Мы хотели бы, чтобы там были экспозиции, посвященные конкретным людям и, может быть, опыту общин и братств.

Беседовала Александра Колымагина
Фото Екатерины Бим

В последнее время вопрос о том, что такое патриотизм, в чем проявляется любовь к своей Родине — и малой, и большой — выходит в число наиболее обсуждаемых. Не претендуя

на то, чтобы дать исчерпывающие ответы, мы начинаем публикацию статей — и рассказывающих о том, как решали этот вопрос различия ложного и подлинного патриотизма святые

нашей церкви, и размышляющих о том, как нам решать этот вопрос сегодня. Мы приглашаем и наших читателей к продолжению этого совместного размышления.

СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ АРХИЕРЕЙ

В борьбе с искушением ложного патриотизма

В этом году исполняется пятьдесят лет со дня кончины архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Прославленный собором 2000 года исповедник веры, знаменитый хирург, заключенный сталинских лагерей и лауреат сталинской премии — вот привычный нам образ этого удивительного человека. Но мне хотелось бы в этой краткой статье рассказать лишь об одной, пока что мало известной, стороне его личности: о его патриотизме.

8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Поместный собор, на котором патриарший местоблюститель митрополит Сергей избран патриархом. Среди участников торжеств был и Красноярский архиепископ Лука, возведенный в сан архиепископа в 1942 г.

В конце 1943 г. вторым изданием, значительно переработанным и дополненным, выходит его монография «Очерки гнойной хирургии», а в 1944 г. публикуется книга «Поздние реzeкции инфицированных огнестрельных ранений суставов». В 1944 г., вслед за победоносным наступлением наших войск, эвакуированные переехали в Тамбов. В том же 1944 г. святитель Лука получил указ о назначении на Тамбовскую кафедру.

Прославленный хирург оперировал обычно в нескольких тыловых госпиталях, а в одном из них, где имелись отделения грудной хирургии, продолжал научную деятельность. На тамбовский период приходится пик славы архиепископа-ученого. 26 января 1946 года постановлением правительства он был награжден Сталинской премией.

После вручения премии Лука становится медийной персоной.

Уже в то время изображение жизни медийной персоны, к каковым относились крупные ученые, актеры, военные, передовики производства, партийные работники, сильно отличалось от реальности. В прессе существовали свои клише, штампы, которые выводили пиар-особу за рамки быта и возводили на пьедестал. Страна строила коммунизм, и ей нужны были герои. Попадание Луки в медийное пространство автоматическим означало героизацию его образа: такова была медийная логика того времени — либо враг, либо герой.

О Луке говорили как о патриоте своей страны и маститом ученом. Сам факт его существования — знаменитого хирурга и крупного церковного деятеля — свидетельствовал в пользу того, что религия в СССР больше не преследуется.

Святитель Лука всегда был интеллектуальным ресурсом Церкви и неоднократно ставил перед патриархом Алексием I каверзные вопросы: о выпуске богослужебных книг, о необходимости созвучия Архиерейского собора в 1953-м, об упорядочении налогового бремени... Его зажимали, не давали возможности печататься, переписываться с границей. Но его мнение, сказанное на кухне, разносилось по дальним уголкам страны.

В 1946 г. Луку переводят в Крым, «подальше от центра». Но и здесь он разворачивает бурную деятельность. Общается с католиками, протестантами, иудеями. Активно занимается делами милосердия.

В глазах кураторов религии, уполномоченных Совета по делам РПЦ, Лука предстает как реакционер. Эти обвинения постоянно мелькают в их отчетах. Логике чиновников легко понять. Лука не был западником, «безродным космополитом», не был он и коммунистом. Оставалось записать его в монархисты.

Но он был просто патриотом, как и подавляющее большинство верующих. Этот патриотизм был связан не только с местом проживания, но и с иерархией ценностей. Вера определяла смысл жизни, она помогала человеку очертить круг ответственности — в отношении себя, своей семьи и Родины.

Возрождение патриотизма в годы Великой Отечественной войны шло рука об руку с религиозным подъемом. Церковь не поддавалась соблазну рассчитаться с большевиками за издевательства над верой и призвала народ к защите Отечества. О патриотической деятельности духовенства в военные годы хорошо известно.

После окончания войны РПЦ продолжила сборы на патриотические цели. Средства использовались для поддержки инвалидов войны, вдов и детей-сирот, для организации бесплатных обедов. Такого рода деятельность встретила противодействие со стороны властей. Они пытаются ограничить влияние духовенства на народ. Уполномоченные на местах проводят ряд «ограничительных мероприятий». А именно: запрещают шефство церковных общин над госпиталями, детскими садами, инвалидными домами, борются с практикой выдачи священниками пособий инвалидам войны и их семьям, ликвидируют кассы взаимопомощи. Вскоре сама практика сбора на патриотические нужды, поднимающая церковный авторитет, уходит в прошлое.

В первые же послевоенные годы происходит жесткое размежевание естественного и советского патриотизма. Государство опять возвращалось к идеологии 1930-х годов, к поискам врагов народа, к усилению классово-вой борьбы.

В этой ситуации архиереи оказались перед искушением ложного патриотизма. Патриотическая риторика, как позже «миротворческое» говорение, становится ареной борьбы правды и кривды.

Конечно, Лука должен был учитывать существующие правила игры и отрабатывать боковые для Церкви сюжеты идеологии. Лука говорил немало патриотических проповедей. В то же время внутренне он не считал себя «согласителем», хотя порой его речи транслировали исключительно господствующий дискурс без всякой поправки на реальное положение дел. Что же удивляться, что некоторые прихожане стали считать его ставленником власти.

Скажем, 19 января 1947 года, на Крещение, Лука выступил с проповедью. «Ни в одном государстве в различных постановлениях, распоряжениях и законах так не проявилась правда Божия, как в постановлениях и решениях Советского правительства». «Неужели и он продавался НКГБ?», — спрашивали себя прихожане.

Этот вопрос, публично никогда не озвученный, дошел до Луки. И вот как он на него ответил в одном из частных разговоров: «Не так давно я узнал, что некоторые прихожане считают меня за красного архиерея и что у меня даже печать красная. Это потому, что они меня не видят и не слышат. На самом же деле я в своих проповедях всегда осуждаю безбожников».

Хваля советскую власть за формально хорошие намерения, он говорил только часть правды. Хотя в чем-то эта часть правды была и на грани неправды. Особенно тогда, когда Лука утверждал, что государство не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви. Другая часть оставалась в частных разговорах и отнюдь не частных жестах, позволяющих нам смотреть на архиепископа как на предтечу диссидентского движения.

За свою жизнь Лука совершил немало диссидентских поступков. Достаточно сказать, что он стоит у истоков религиозного самиздата. Он не только призывал переписывать вручную нужные для богословского образования книги, но и предлагал верующим-ученым написать аполитические труды с критикой антирелигиозной литературы. Публичность и гласность, за которые ратовали диссиденты, стали у архиепископа Луки серьезным оружием в борьбе с уполномоченным СДРПЦ. Когда уполномоченный запрещал проводить епархиальные собрания, Лука рассылал окружные послания духовенству и тем приводил чиновника в ярость.

В публичном пространстве архиепископ Лука всячески боролся с антисемитизмом прихожан, подогреваемым соответствующей государственной кампанией. 3 апреля 1948 года он произнес филосемитскую проповедь «О том, что Пресвятая Богородица была еврейкой», которая стала единственной в СССР подобной декларацией архиерея РПЦ.

Известны и другие публичные жесты солидарности с еврейским народом. Периодически в разговорах Луки возникала тема свободы слова. Тем более что сам он говорил аполитические проповеди и, конечно, хотел, чтобы их издали. «А нельзя ли, владыко, поставить вопрос об отпечатывании Ваших проповедей типографским способом?», — однажды задал коварный вопрос осведомитель. «В условиях свободы печати у нас это совершенно невозможно», — отшутился Лука.

Но, критикуя власть, архиепископ Лука не заходил дальше определенных границ. По возможности он стремился вписаться в новую советско-церковную симфонию.

Лука был естественным патриотом. Он вполне искренне служил Родине, чем мог: в госпитале, за письменным столом, в церковной оградке. Но его патриотизм отличался от патриотизма советского образца. И когда он оставался верным этому патриотизму до конца, то вынужден был становиться на позицию «неосознанного диссидентства», чреватого потерей кафедры. Чтобы не фальшивить, ему приходилось идти по тонкому льду.

Борис Колымагин

ИСТИНА И РОДИНА

Помнится, в бурные перестроечные годы люди социально активные (как на деле, так и на словах) разделились на «патриотов» и «демократов». Уже это деление способно было сбить с толку. Получалось, что патриотизм связан с определенными политическими убеждениями — противоположными демократическим или либеральным. Но это неверно уже исторически: начиная с XIX в., движения народов Европы (чехов, словаков, поляков, венгров, греков и многих других) за право создания национальных государств (то, что и составляет изначальное содержание термина «национализм») во многих случаях имело вполне демократическую и либеральную подоплеку: независимость от империй, собственный парламентаризм, права людей... Видимо, в противопоставлении патриотизма и либерализма не последнюю роль играет следующее ощущение: любить свою родину и народ означает подчинить личные интересы общим интересам, а это от либерализма вроде бы и вправду далеко.

Однако если задуматься, от личного нам и тут никуда не убежать и мой личный выбор определяет здесь очень многое. Ведь и интересы родины можно понимать по-разному. Кому-то интереснее «от моря и до моря и чтоб боялись», кому-то — чистая улица, подъезд, лифт и т.д. «Патриотизм величия» и «патриотизм процветания» у людей часто бывают трудно совместимы... В конечном итоге, думается, критерием разумно считать элементарную ответственность за то, что на твоей родине происходит. Ответственность же эту, согласимся, разумно отсчитывать с того, что рядом с тобой. И если ты, готовясь защищать горячо любимую Родину, научился метко стрелять по мишеням, а в урну попасть не можешь — то изволь не обижаться, когда заподозрят, что ты никакой не патриот, а тебе, может быть, просто интересно пострелять. Пате-тически заявляя, что готов всю жизнь ходить в телогрейке, лишь бы жить в великой стране, не сойти за труд задать себе вопрос, согласны ли на аналогичную одежду другие.

Иногда, надо сказать, ответственность и неравнодушие призывают человека говорить и делать вещи внешне весьма непатриотичные. Бывает, родина требует защищать, бывает — обличать. Кто бы рискнул назвать безответственным знаменитого московского философа Мераба Мамардашвили? О нем, как и о ряде других выдающихся людей, можно было бы сказать: человек, принадлежавший двум культурам. Если бы только не то, сколько не вязалось к нему это слово — «принадлежность». Оно очень плохо описывало его отношение к национальной (и любой частной) культуре в принципе. Мамардашвили умел быть предельно нелицеприятным и в отношении русского, и в отношении грузинского народов. Русских он однажды определил как «имеющих способность создавать ад из общения в любой точке пространства и времени». По поводу грузин в 1990-м, незадолго до кончины, сказал: «Если мой народ выберет Гамсахурдиа, я выступлю против своего народа». Когда же его упрекали в непатриотизме, отвечал: «Истина дороже родины». Он и грузино-то стереотипным, по воспоминаниям, абсолютно не выглядел: на застольях никаких тостов не произносил, а тихо сидел и попыхивал трубкой.

Мамардашвили, как и немного ранее Бахтин, утверждали право на безусловность человека собственной культурой, на «внезаходимость» и «трансценденцию» — фактически, на «гражданство мира» (слово «космополитизм» дискредитировано у нас еще больше, чем слово «патриотизм»). В этом оба философа видели прорыв к Универсальному. Важно только и здесь понимать, что сам этот «рецепт» — не универсален, и кто-то другой именно через верность собственной

традиции и культуре способен осуществить этот прорыв, как это удалось, скажем, Достоевскому.

И все же выбор между истиной и родиной может наступить в жизни каждого. И он совсем не прост, этот выбор. Если родину можно видеть, осязать и т.д., то истина — не та вещь, что легко доступна пяти чувствам. Всегда есть риск, что то, что я полагаю за истинное, может обернуться провалом. Поэтому для выбора истины требуется мужество. Вера в Бога способна это мужество дать. Она обязывает, как только родина претендует на роль Бога и вместо подобающей ответственности начинает требовать «поклонения и служения», сказать словами Мамардашвили: нет, истина дороже. Бывает и так, что родина становится неприкрытым дьяволом, начиная пожирать собственных и чужих детей. Бонхёффер не колеблясь выступил против собственного государства, как только оно приобрело дьявольский облик национал-социализма. Важно, что здесь ему пришлось преодолеть и «патриотизм убеждений» — убежденный пацифист, Бонхёффер примкнул, когда почувствовал необходимость, к организации, ставшей своей целью устранение фюрера. Можем ли мы упрекнуть Бонхёффера в неверности себе? Отнюдь: истина не сводится к убеждениям, как не сводится к ним и вера. Воля Божья — не застывшая схема, и может настать момент, в который Бог и истина потребуют отказа от прежних убеждений. Это больно, но верующий человек способен понять, что противоречие между истиной и родиной, между истиной и убеждениями, по большому счету, мнимое. Если я выбрал истину, в конечном итоге и от родины не убудет, и убеждения приобретут подлинную глубину. Хотя — повторим — от этой ситуации неотъемлемы риск и мужество.

С проблемой патриотизма отчасти перекликается проблема конфессионализма. Как не бывает человека без происхождения, так же и христианина трудно представить вне конкретного сообщества веры. Христианин имеет свою церковную «родину», малую и большую: общину, поместную церковь, конфессию. И, как существует «квасной патриотизм» («все мое — лучшее, остальное — ерунда»), так бывает и аналогичного рода конфессионализм. Очень часто он бывает оттого, что хочется гарантий, хочется принадлежать к самому правильному и спасительному сообществу. Но так же, как нет у меня гарантий, что моя родина — наилучшая из всех стран, не так ли и с моей конфессией? Опять же и тут не вредно задавать самому себе вопросы: я русский и православный, а родился я в Иране?.. Национальность не выбирает, но и церковное сообщество человек крайне редко выбирает методом осознанного сопоставления. Такие случаи, безусловно, есть: сознательно выбрали православие Оливье Клеман, Карл Фельми... Однако неизмеримо чаще наиболее основательным и честным ответом на вопрос «почему я здесь?» будет просто: «так получилось». Конфессиональная принадлежность либо достается нам по наследству, либо же еще что-то отличное от правильности доктрин и деятельности священнодействий — например, «свет вечной жизни в глазах другого человека» (митр. Антоний) — определяет наш выбор. Человек растет в той клумбе, куда его посадил Бог. Правда, в отличие от растения, эта «посадка» может произойти и через представление самого человека об истине. Но есть здесь и еще одно отличие человека от растения: он имеет возможность — да, наверное, и призвание — воздвигать свою «клумбу» самому. Реальное это воздвигание, та самая ответственность — пожалуй, едва ли не лучшее лекарство и от конфессиональной, и от национальной гордыни.

Дмитрий Матвеев

25–27 мая Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит VI богословско-практическую конференцию

**«ТРАДИЦИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ КАТЕХИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОГЛАШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ «СЛУШАЮЩИХ»»**

Конференция продолжает тему прошлого года – возрождение катехизации в русле святоотеческой традиции. В этом году планируется перейти от общих вопросов определения цели катехизации, ее значения, критериев оценки качества и др. к рассмотрению практических проблем, связанных с началом катехизации.

Предметом рассмотрения на конференции СФИ 2011 года будут особенности оглашения тех, кого в церкви традиционно именовали «слушающими», т.е. людей, которые завершили начальный этап своих духовных поисков и делают сознательный выбор в духовной жизни, обращаясь к Богу и Церкви. Поэтому они могут начать слушать Священное писание и проповедь на него в храме. Кроме того, они начинают участвовать в регулярных огласительных встречах первого этапа. Этот этап, в соответствии со святоотеческой традицией, должен быть продолжительным и характеризоваться серьезным изменением образа жизни катехумена, обретением им начатков подлинного Бого- и самопознания, вхождением в чтение и понимание слова Божьего, в личную и общецерковную молитву, в бескомпромиссное исполнение заповедей Божьих.

На конференции предполагается подробно обсудить следующие вопросы

- Какова должна быть длительность оглашения «слушающих» сейчас?
- От чего зависит длительность оглашения?
- В чем основное содержание оглашения?
- Каковы главные вехи?
- Чем характеризуется связь со святоотеческой традицией?
- Как оглашение проходит у различных категорий «слушающих» – социальных, образовательных, возрастных и т.п.?
- Как правильно оценить качество катехизации во время первого этапа, готовность катехумена к переходу на второй этап, т.е. оглашение «прощаемых»?

Еще до начала конференции эти и другие близкие к ним вопросы будут, как и в прошлом году, обсуждаться на страницах «Кифы». В прошлом номере было опубликовано интервью с Давидом Гззяном, открывающее серию таких публикаций. Сегодня мы продолжаем размышлять над вопросами, связанными с темой конференции.

С ЧЕГО НУЖНО НАЧИНАТЬ КАТЕХИЗАЦИЮ

На вопросы отвечают священники и катехизаторы

С ЧЕГО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НУЖНО НАЧИНАТЬ КАТЕХИЗАЦИЮ? ЧТО ПРИ ЭТОМ ВАЖНО НЕ УПУСТИТЬ?

Прот. Евгений Горячев, Санкт-Петербургская епархия: Мне кажется, что в первую очередь катехизатор обязан выяснить, что за люди вошли в его огласительную группу; кто они такие, почему пришли, что думают о вере, о крещении, о церкви, почему остались на катехизацию, а не пошли в храм, где крестят «и так». Исходя из этого предельно важного общения и нужно, на мой взгляд, строить все дальнейшие огласительные встречи.

Священник Тигрий Хачатрян, руководитель Миссионерского отдела Курской епархии:

С вопроса, который предшествует любой катехизации: зачем **Вы** пришли? Без этого вопроса мы рискуем начать поголовное добровольно-принудительное «обращение». Это уже было, и лучше к этому не возвращаться! Человек должен **сам** хотеть спасения! Важно не упустить «момент истины»: распознать, а готов ли человек после всей работы Церкви к тому, чтобы его крестили.

Игумен Арсений (Соколов), Лиссабон: С личной встречи с человеком. Предваряющая огласительный цикл беседа необходима, чтобы познакомиться с людьми, решившими принять крещение или крестить своего ребенка. К сожалению, в большинстве случаев их мотивация совсем не церковна. На вопрос, почему вы решили крестить своего ребенка, нередко услышишь ответ: «плохо спит», «сосочку выплевывает», «едем в отпуск, не лететь же на самолете с некрещеным» и т.п. За такими ответами стоит, конечно же, неправильное, искаженное представление о Боге. Многие люди, особенно никог-

да не читавшие Евангелие, думают, что Бог – такой же злой и жестокий, как они сами, в их представлении образ Бога сфабрикован по человеческому «образу и подобию», является далеким от христианства. Те, кому не знаком евангельский образ Бога, представленный нам человеческой жизнью Христа и Его учением, не знают, что Бог любит некрещеных детей точно так же, как и крещеных, что когда у крещеных режутся зубы, они плачут точно так же, как некрещеные, что отношение младенца к соске никак не зависит от того, крещен он или нет.

Часто бывает так, что люди впервые переступают церковный порог лишь тогда, когда у них рождается ребенок. В первой беседе очень важно постараться поменять мотивацию родителей, заинтересовать их Священным Писанием, богослужением, церковной жизнью. Убедить, что главное для них – не крещение их ребенка, а их собственное пробуждение от духовного летаргического сна, их собственное воцерковление. Большинство нецерковных родителей стремятся покрестить свое чадо поскорей, и катехизация для них – горькая пилюля, которую приходится выпить, чтобы добиться-таки своего – крещения ребенка. Дело катехизатора – увлечь оглашаемых, перевести их внимание с крещения на церковную жизнь вообще, опровергнуть магическое представление о таинстве. Если катехизатор этого не делает и потакает бытовым суевериям, то чем он в таком случае отличается от шамана? Итак, задача катехизатора – не ребенка покрестить, а родителей его воцерковить.

Алексей Наумов, катехизатор, Москва:

Я думаю, что здесь важны две вещи. Во-первых, готовность человека оглашаться. Это выражается в наличии веры (или хотя бы в начатках веры) и в желании изменить свою жизнь по вере. Во-вторых, важна готовность кате-

хизатора, которая состоит прежде всего в его церковности и просто в уровне его подготовки, связанной с образованием и т.д.

ВРЯД ЛИ ВОЗМОЖНО ТРЕБОВАТЬ ОТ ОГЛАШАЕМЫХ, ЧТОБЫ ОНИ ПРОЧИТАЛИ ВСЮ БИБЛИЮ. А ЧТО МОЖНО И НУЖНО ТРЕБОВАТЬ? БЕЗ КАКИХ КНИГ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТА (И В КАКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ) НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ КАТЕХИЗАЦИЮ?

О. Евгений Горячев:

Требовать всегда опасно, особенно в самом начале (как пришли к нам, так и уйдут, а мы угасим «лен курящийся» и доломим «надломленную трость»), но

можно заинтересовать, объяснить, почему именно эта Книга является для христиан священной. Затем можно зачитать вслух несколько ярких библейских сюжетов и дать им необходимую, лучше семантически разнородную, интерпретацию. Такая методика, во-первых, «притянет» слушающих к Божьему Слову и, во-вторых, даст им понять, что Библия намного глубже, чем может показаться на первый взгляд.

Педагогический материал, отбираемый катехизатором, может быть самым разным (например: творение и назначение человека, грехопадение, избрание Авраама, Декалог, религиозные взлеты и падения Давида, некоторые псалмы и пророчества, Благовещение, искушение Иисуса в пустыне, фрагменты Нагорной проповеди, отдельные Евангельские притчи и чудеса и т.д.; даже родословие Христа, при известном навыке, может быть преподано как существенный огласительный текст). Главное, чтобы человек этим материалом владел и владел творчески.

О. Тигрий Хачатрян: Я бы поставил вопрос по-другому: какие изменения должны произойти в душе после прочтения Евангелия, а то ведь можно по сотне раз все Евангелия проштудировать, и будет хуже, чем было...

О. Арсений (Соколов): Оглашаемый должен понять: в Библии содержится слово Божие и оно для него актуально и спасительно. Если читать Писание вдумчиво, молитвенно, усердно – это слово Божие прозвучит для тебя сегодня, ты услышишь его сквозь шум повседневности. Оглашенный учится читать Библию вместе с церковью. Задача катехизатора – помочь оглашенному расслышать слово Божие, звучащее в Писании, и когда оно оглашенным услышано – убедить принять его.

Всюду, конечно, по-разному, а у меня с сибирских времен – 7 узловых тем, изучаемых с оглашаемыми с Библией в руках: 1) Происхождение мира и человека. Грехопадение. 2) 10 заповедей (1-я скрижаль). 3) 10 заповедей (2-я скрижаль). 4) Христос-Спаситель. 5) Церковь. 6) Крещение и другие таинства Церкви. 7) Символ веры. В зависимости от аудитории темы могут варьироваться. Кроме того, каждому оглашаемому предлагается прочесть самостоятельно одно из синоптических Евангелий, по личному выбору каждого. Возникающие вопросы обсуждаем отдельно, при личной встрече или по электронной почте.

В древности, особенно в Александрийской Церкви, катехуменам предлагался для изучения довольно широкий набор библейских книг, прежде всего учительных книг Ветхого Завета. Это правильно, когда человек знакомится не с «Законом Божиим», не со «Священной историей» и не с «Детской Библией», а с самими текстами Писания, ведь именно в Писании, а не в школьных пособиях по нему содержится слово Божие.

Имеется в Португалии и Ис-

панию своя специфика: не все люди могут регулярно посещать огласительные занятия. Некоторые живут за сотни километров от тех мест, где собираются церковные общины. Другие живут на дальних островах, расположенных за тысячи километров от континента. Для оглашения таковых приходится частично переходить на заочную форму катехизации, через переписку по e-mail. Но и в этом случае важны очные беседы, хотя бы несколько личных встреч. Наши священники стараются навещать оторванных от церковных центров катехуменов и проводить беседы с ними там, где они живут.

Алексей Наумов: На оглашении нужно читать параллельно и Новый, и Ветхий заветы. Но принципиально важна последовательность чтения, которая определяется тем, что вера, молитва и жизнь у всякого верующего должны быть взаимосвязаны. Поэтому по мере вхождения в опыт личной и церковной молитвы, по мере изменения жизни человек может адекватно воспринимать те библейские книги, которые трудно понять, не имея соответствующего опыта.

Последовательность чтения может быть следующей. Сначала катехумен читает книги Премудрости и синоптические (первые три) Евангелия, затем книги Закона, потом пророков и далее (после крещения) Евангелие от Иоанна, книгу Деяний, апостольские послания.

КАКОВА НОРМА УЧАСТИЯ ОГЛАШАЕМЫХ В БОГОСЛУЖЕНИИ? ЧТО ВЫ ТРЕБУЕТЕ ОТ ГОТОВЯЩИХСЯ К КРЕЩЕНИЮ: КАК ЧАСТО (ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ, РАЗ В НЕДЕЛЮ, РЕЖЕ)? В КАКОМ ОБЪЕМЕ (ПОЛНОСТЬЮ ВСЮ СЛУЖБУ, ОБЯЗАТЕЛЬНО НА ЧТЕНИИ ПИСАНИЯ И ПРОПОВЕДИ, СКОЛЬКО СМОЖЕТ И ЧТО СМОЖЕТ)?

О. Евгений Горячев: В ситуации с краткосрочной катехизацией (а в моем приходе она, к сожалению, пока что именно такая) о богослужении, точнее, о его сути, можно только рассказывать. Я делаю это в разделе бесед, посвященных молитве. Но если оглашение длительное, то я думаю, что задолго до самого крещения будущие члены Церкви, конечно же, должны хоть как-то ознакомиться и с убранством храма, и с общественной молитвой.

Современные «слушающие». Одна из огласительных встреч, проводившихся в мае 2010 г. совместно с участниками конференции «Традиция святоотеческой катехизации». (Фото Александра Волкова)

О. Тигрий Хачатрян: В условиях жизни большинства епархий как минимум нужно требовать примирения с Богом. Т.е. если это крестные — чтобы осознанно исповедовались и причастились. Если не крещенные, то это должна быть целостная подготовка к Новой жизни во Христе, и она должна идти по всем параметрам: богослужение, Евангелие, молитва дома и в храме. И вряд ли можно навязать даже всем членам одной и той же группы одни и те же правила. Главное — результат!

О. Арсений (Соколов): Оглашаемые обязаны участвовать в воскресном богослужении, в литургии Слова, другое название которой — литургия оглашенных. Апостол и Евангелие у нас на богослужении звучат по-русски, а не по-церковнославянски и читаются лицом к людям. После чтения произносится проповедь для объяснения прочитанного. Это все очень важно для оглашаемых. Так же как и ектеня об оглашенных, в которой произносятся их имена, в которой оглашаемые активно участвуют: они и только они говорят на этой ектене «Господи, помилуй», «Тебе, Господи», склоняют головы.

Кстати, чин оглашения у нас разделен с крещением и совершается за месяц-полтора до крещения, воскресным утром, перед литургией, с участием всех верных. Вся община участвует потом и в крещении, поскольку у нас оно происходит на воскресной литургии, которая в таком случае является крещальной (используем чинопоследование, изданное Свято-Тихоновским институтом).

Алексей Наумов: Здесь опять же важна последовательность. Есть церковные, канонические нормы, к которым человек должен прийти. Но начинать можно с малого. В начале оглашения можно хотя бы присутствовать на «фоне» богослужения. Но постепенно нужно все больше входить в дух и смысл православного богослужения. Тем более что в самом богослужении есть вещи, которые сугубо помогают оглашаемому. Это и молитва о них, и, конечно, проповедь.

ИЗВЕСТНО, ЧТО «ВЫЧИТЫВАНИЕ» КАКОГО БЫ ТО НИ БЫЛО ПРАВИЛА МОЖЕТ И НЕ БЫТЬ МОЛИТВОЙ. МОЖНО ЛИ ОТ ОГЛАШАЕМЫХ ТРЕБОВАТЬ ЛИЧНОГО «ПРАВИЛА МОЛИТВЫ»? ЕСЛИ ДА, ТО КАКОГО?

О. Евгений Горячев: Опять-таки: не требовать, а убеждать оглашаемых в том, что неумеющий или нежелающий молиться человек в каком-то смысле безбожник. Бог, конечно, есть, но не для него; ведь у него нет с Ним никакой связи... Нужно «заразить» оглашаемых желанием молиться, приводя примеры глубоких и красивых молитв, существующих в христианской традиции. Даже преподанные только как учебный материал, эти молитвы не могут не потрясать: «Господи, дай мне с душевным спокойствием...», «Господи, имя Тебе Любовь — не отвергни меня заблуждающегося...», «Я Свет, — а вы не видите Меня...», «Господи, содейлай нас орудиями мира Твоего...» и т.д.

О. Тигрий Хачатрян: Может быть, для начала достаточно «Отче наш» и индивидуального обращения к Богу своими сло-

вами, а дальше можно нагружать, но по мере потребности души оглашаемого, а то если перегрузить, то можно и вполне приличного церковного фарисея подготовить.

О. Арсений (Соколов): Никакое «вычитывание» молитве не научит. Митрополит Антоний Сурожский в своем учении о молитве настаивает, что каждое слово молитвы, независимо от того, книжная ли она или импровизированная, должно полностью захватывать ум и сердце молящегося, только тогда эти слова будут действительно молитвой, обращением человека к Богу. В книжной молитве это особенно трудно, ведь надо сделать слова другого человека, жившего много веков, а то и тысячелетий тому назад, твоими собственными, произносить их как выражение не его, а твоих собственных чувств и желаний, всего твоего существа.

Лучший учебник молитвы — это, конечно, Псалтирь, главный «молитвенник» Церкви. Нет такого настроения и состояния, которым нельзя было бы отыскать соотвествующий в псалмах. Молясь псалмами, мы молимся вместе с Церковью, и что еще важнее — со Христом. Псалтирь — молитвенник Христа, это видно из Евангелия. Кроме того, многовековой христианский опыт молитвы псалмами учит нас, что «Христос — истинный молящийся псалмов» (блаж. Августин). Поэтому, как однажды сказал мой друг, итальянский монах Лучано Маньякарди, «насколько мы можем сделать слова псалмов своими молитвами, настолько мы возрастаем во Христе».

Не все могут читать псалмы в древнееврейском оригинале, но, к счастью, существует более десятка переводов Псалтири на современный русский язык, и любой человек может выбрать для себя такой перевод, который ему более понятен и приятен. И хотя катехумену, да и новонаначальному верно трудно начать пользоваться псалмами как своей молитвой, нужно с усердием вникать, пытаться входить в этот мир, употреблять усилие. Постепенно тот, кто молится псалмами, начинает понимать: псалмы — не только сборник древних молитв, но и школа молитвы. Да и школа жизни, в общем-то. В них — зеркало человеческого существования, вся жизнь человека пред Богом. Важно читать с оглашаемыми избранные псалмы, предлагать им самим дома начать молиться псалмами. И не забывать о правиле прп. Евагрия Понтийского: «Совершенство молитвы — не в количестве, а в качестве».

Другая сторона молитвы — это готовность слушать, что тебе скажет Тот, к Кому ты обращаешь молитву. Вот почему важны не только слова молитвы, но и периоды внутреннего молчания. Именно молчание позволяет настроиться на внутренний слух на слышание слов Господних, выражает готовность слушать Бога и слушаться Его. «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой» (1 Цар 3:10) — как часто мы молимся такой молитвой? Не чаще ли у нас бывает наоборот: «Послушай, Господи, что сейчас скажет Тебе раб Твой»? Псалмы диалогичны, в них звучит не только молитва человека Богу, но присутствует и божественный ответ.

Алексей Наумов: Молитва должна быть живой. Поэтому необходимо, особенно в начале оглашения, учиться молиться своими словами. Не должно быть формы без

духа и смысла. Важно, чтобы «вычитывания» не стали такой пустой формой.

БЫВАЕТ, ЧТО ЧЕЛОВЕК, ПРИХОДЯ В ЦЕРКОВЬ, НАДЕВАЕТ «УНИФОРМУ» (НАПРИМЕР, ОСОБЫЕ ПЛАТОК И ЮБКУ), МЕНЯЕТ РЕЖИМ ПИТАНИЯ, А БОЛЬШЕ НИЧЕГО В ЖИЗНИ НЕ ИЗМЕНЯЕТ. ЧТО НУЖНО ИЗМЕНИТЬ ОГЛАШАЕМОМУ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ? ЧТО ВЫ САМИ ТРЕБУЕТЕ ОТ ГОТОВЯЩИХСЯ К КРЕЩЕНИЮ?

О. Евгений Горячев: При краткой катехизации поговорить на эти темы стоит после покаянной беседы, которая должна непосредственно предшествовать крещению. А дальше просто наблюдать за воцерковлением, удерживая неопита от возможных в церковной среде «аскетических» крайностей. Если же оглашение длительное, то можно что-то подсказывать и по ходу самой подготовки к Таинству, исходя из того, что этих людей катехизатор уже немного знает. Ну, и наконец: каков учитель, таковы и ученики. Даже если человек, «рождающий» новых членов для Церкви и не говорит: «подражайте мне, как я Христу», то все равно люди, проводящие с ним так много времени, осознанно или неосознанно подражают именно ему. Так что не только к будущим клирикам, но и к катехизаторам из мирян вполне относятся слова Апостола: «образ будь верным: словом, житием, любовью...»

О. Тигрий Хачатрян: «Униформа» изменится, когда человек «облечется» во Христа, а на первых порах самое главное — помочь человеку понять, почему его жизнь без Христа — пусть даже правильная/праведная — Богу не угодна.

О. Арсений (Соколов): Только тот, кто изменил направление своей жизни, может быть готов дать крещальные обеты. Для нас в Западной Европе сейчас актуальна проблема так называемых «гражданских браков», а попросту сказать, блудного сожительства. Люди сходятся, живут нерасписанными, называют друг друга мужем и женой, а государство внушает им, что это и есть брак. Естественно, исправительную свою жизнь в этом отношении в соответствии с Евангелием и учением Церкви — задача катехуменов, иначе они не могут быть допущены до крещения, которое, как говорит апостол Петр — «обещание Богу доброй совести» (1 Петр 3:21). Неготовность вступить в законный брак («расписаться») говорит о боязни брать на себя ответственность, обязательства. Тому, кто собирается стать христианином, такая боязнь не к лицу.

Оглашаемые должны покаяться. И дело здесь не в перечислении грехов и не в решительной молитве (ее, понятно, для них еще нет), а — в решительном исправлении своего поведения. «Покайтесь, и да крестится каждый из вас» (Деян 2:38). И покаяние — это ведь не просто перечисление грехов. Бог о наших грехах лучше нас знает, ничего нового мы Ему не можем открыть. Еврейское слово «тшува» означает «возвращение», а греческое «метанойя» — «изменение ума». Подлинное покаяние сопряжено с решимостью вернуться к Богу, изменить жизнь, оно есть обращение. Если с кем-то из близких пребываешь во вражде и не делаешь шагов к примирению, как Богу примириться с тобой? Ведь твоего ближнего Он любит не меньше, чем тебя. От этого зависит готовность или неготовность вступить в Церковь, ведь крещение (как и покаяние после отпадения от Церкви) — это таинство вступления в Церковь.

Об «униформе». Мне непонятна эта борьба с женскими штанами в России. Штаны — не мужская одежда, на иконах мы нигде не видим святых мужей в штанах. Запрещать женщинам носить брюки и разрешать носить их мужчинам — не последовательно. Мужчины в таком случае должны носить кафтаны. Ну, а женщины? Даже в таких традиционных обществах, как таджикское и афганское, женщины ходят в шароварах. Или и с тех надо шаровары стачить?

Алексей Наумов: Прежде всего требуется покаяние в своем прямом значении слова — как изменение жизни в соответствии с верой, в соответствии с волей Божьей, которая открывается и в заповедях.

ИЗВЕСТНО, ЧТО В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЛЮДИ, НАЧИНАВШИЕ ОГЛАШЕНИЕ, В ТЕЧЕНИЕ 2-3 ЛЕТ НАЗЫВАЛИСЬ «СЛУШАЮЩИМИ», А ПОТОМ ПЕРЕХОДИЛИ В РАЗРЯД «ПРОСВЕЩАЕМЫХ». КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО МОЖЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ЭТОМУ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ КАТЕХИЗАЦИИ?

О. Евгений Горячев: Я уже много раз говорил, что достойное будущее нашей Церкви возможно только в связи с длительной, и притом общеобязательной, катехизацией. Если таковая начнет осуществляться практически, то тогда, в зависимости от региона, человеческой составляющей (духовного и образовательного уровня как оглашаемых, так и оглашающих) можно будет варьировать отдельные методики, в том числе, использовать и такую, как эта — «святоотеческая».

О. Тигрий Хачатрян: Не знаю.

О. Арсений (Соколов): На самом деле, не важно, сколько месяцев или лет человек готовится к крещению и как его при этом называть. Можно ведь и 30 лет готовиться и не быть готовым (кстати, в древней Церкви так часто и бывало: многие всю жизнь ходили в «оглашенных»). А можно, как об этом свидетельствует книга Деяний Апостольских, и после чтения одной-единственной пророческой книги да участия в одной-единственной огласительной беседе «уверовать от всего сердца» во Христа (Деян 8:37). Катехизатор должен уметь определить, уверовал ли катехумен от всего сердца, а также церковна ли его вера.

В древности была замечательная практика: всех прошедших оглашение кандидатов ко крещению экзаменовал местный епископ. Хочется надеяться, что когда-нибудь эта практика будет возрождена.

Позвольте напоследок привести слова сибирского протоиерея Геннадия Фаста, с 70-х гг. XX века занимающегося предкрещальной катехизацией, из недавнего интервью с ним: «Вопрос в том, куда мы приведем новообращенного. Если в храме благоговейно совершается богослужение, есть дружная община, сплоченная вокруг Божественной литургии и таинств, объединенная совместными делами, в том числе делами милосердия и благотворительности, то есть если человек сможет увидеть церковную жизнь во всей ее полноте, он с гораздо большей долей вероятности останется в этом храме. Если нет — его ничто не задержит в Церкви, даже если он прослушал цикл прекрасных лекций»*.

Алексей Наумов: Практика оглашения известного московского священника о. Георгия Кочеткова.

**Вопросы задавали
Александра Колымагина,
Максим Дементьев,
Анастасия Наконечная**

* газета «Абакан», 23 марта 2011 г., <http://www.abakan-gazeta.ru/node/4492?comment-2652>

К участию в VI богословско-практической конференции

«ТРАДИЦИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ КАТЕХИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОГЛАШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ «СЛУШАЮЩИХ»»

приглашаются православные священнослужители и миряне, осознающие актуальность проблем катехизации и готовые заниматься ею практически.

**Адрес оргкомитета конференции:
Москва, 105062, ул. Покровка,
д. 29, оф. 38, Свято-Филаретовский институт**

E-mail: info@sfi.ru

**Тел. для справок:
+7 (495) 623-03-80, 625-77-86**

**Председатель оргкомитета
ученый секретарь СФИ
проф. А.М. Копировский**

Свято-Филаретовский
православно-христианский
институт

14 апреля в 19.00

проводит круглый стол

«**ПОЙТЕ БОГУ НАШЕМУ,
ПОЙТЕ ВСЕ РАЗУМНО**»:
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЧАСОСЛОВА МИРЯНАМ**»

На круглом столе состоится обсуждение заключительного выпуска серии переводов православного богослужения с греческого и церковнославянского языков —

«Книга 7: Последования Часов, Изобразительных, Повечерия и Полунощницы с приложением церковнославянских текстов».

Седьмая книга «Православного богослужения» является итогом многолетней научно-богословской и духовно-педагогической работы кафедры Миссиологии, Катехетики и Гомилетики — Богословских дисциплин и Литургики СФИ по переводу богослужения. Перевод осуществлен ректором Свято-Филаретовского института проф.-свящ. Георгием Кочетковым.

Круглый стол соберет православных священников и мирян: переводчиков, библеистов, литургистов и историков. Будут затронуты вопросы перевода Священного писания в богослужебном контексте, значение переводных богослужебных текстов для участия мирян в богослужении суточного круга, их возможное применение в пастырской и церковно-педагогической практике.

Приглашаются священнослужители, богословы, учащиеся старших курсов духовных и гуманитарных учебных заведений, филологи и все интересующиеся проблемами литургики и языка православного богослужения.

Адрес: ул. Воздвиженка, 3/5, подъезд 3, конференц-зал Российской Государственной Библиотеки (ст. м. Библиотека им. Ленина, Боровицкая, Александровский сад).

ТЕМА ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

Окончание. Начало обзора — в приложении «Язык Церкви»

В газете «Вера-эском» № 461 (март 2004 г.) опубликованы рядом два письма: одно — против, другое — за перевод богослужения. Аргументы той и другой стороны показательны, поэтому основную их часть цитирую ниже:

Против перевода:

«В Церкви ведь все священное: иконы, одежды священнослужителей, свечи, утварь. Все особое, чистое, к чему даже и не прикасаются в нечистоте, и в обыденной жизни не используют. ...в Церкви все заставляет нас забыть о мирской суете, отвлечься от современного мира, от всего временного, и все сказанное в Церкви, в том числе и язык, все, что заставляет погрузиться одновременно и в молитву, и в то же время в мир наших предков, помогает, приобщившись к старине, обратиться мыслями к Богу, к вечному. А если бы появился в Церкви современный язык, к стати, гораздо более бедный, то человек в храме уже не чувствовал бы себя полностью изъятым из мира. ...Как говорил кто-то из старцев или из священнослужителей, «вы не понимаете, зато бесы понимают»».

За перевод:

«...Уверен, что не только миряне, но и часть священнослужителей не могут сказать, что способны думать, свободно говорить на церковнославянском, молиться не заученными словами, а своими.

...Невозможно долгое время внимательно богослужению, которое не понимаешь или понимаешь отчасти. Думаю, что это одна из причин, почему в наших храмах так шумно во время богослужений.

...Рассчитывать на то, что наш народ будет постепенно воцерковляться и выучит церковнославянский язык, не приходится, так как основная масса нашего верующего народа христианами является только по крещению и о воцерковлении не помышляет. Их вполне устраивает такая формальная, внешняя принадлежность к Церкви. Да к тому же и сама Церковь не хочет пойти им навстречу в их воцерковлении. Дома практически не молятся и не читают Св. Писания, придут в церковь — и там ничего не понимают, потому что богослужения совершаются на незнакомом им языке. И невольно появляется мысль — а стоит ли во-

обще ходить в церковь на богослужения, если все равно ничего не понимаешь?

...Для Бога не имеет значения, на каком языке мы молимся, но Он придает значение тому, как мы молимся. А молиться духом и истинно мы можем только на том языке, который хорошо знаем».

Сравнивая эти два мнения, мы невольно возвращаемся к связи двух вопросов: участия в богослужении (и вообще принципиально понимания того, что такое богослужение и молитва) и языка богослужения.

В своем обзоре дискуссии о переводах, опубликованном в 2007 году на белорусском и украинском православных порталах, известный переводчик Андрей Десницкий предполагает, что «ситуация, когда молящиеся не понимают смысл молитвы, ненормальна, здесь согласны и реформаторы, и консерваторы». Увы, мой обзор свидетельствует скорее об обратном: именно в этом чаще всего и не согласны сторонники и противники перевода. Мотивация «вы не понимаете, зато бесы понимают» (слышанная автором обзора неоднократно от прихожан Сретенского монастыря) у противников перевода богослужения в лучшем случае соседствует с призывами учить церковнославянский, в худшем — преобладает. Вот фрагмент опубликованной совсем недавно, в мае 2009 года, на фундаменталистском портале «Русская линия» статьи прот. Георгия Городенцева «О переводе богослужения на русский язык»:

«...Полезность богослужения отнюдь не измеряется одной его понятностью. ...В связи с этим известен следующий случай. Некий старец поведал своей духовной дочери читать Псалтирь. Но она с ужасом воскликнула: «Батюшка! Я же ничего в ней не понимаю!» На что старец ответил: «Ничего, ты читай. Ты не понимаешь, зато бесы понимают и трепещут». Так вот у меня есть сильные подозрения, что после перевода богослужения (в том числе и богослужебной Псалтири) на русский язык так, чтобы ее стали досконально понимать мы, *ее перестанут «понимать» бесы (курсив мой — АКол)*, соответственно они перестанут от этого чтения и трепетать со всеми вытекающими отсюда последствиями».

К слову, сам А. Десницкий в своей статье (она называется «Богослужебный язык Российской Церкви (опыт критического обзора одной дискуссии)») убедительно опровергает и те аргументы противников перевода, которые всё-таки подразумевают необходимость понимать богослужение.

На аргументы «Есть словари, грамматики, брошюры с русским текстом. Найдите их и посмотрите, что там написано» или еще проще: «Ходите почаще в церковь, и все будет понятно» автор статьи отвечает: «Прежде всего приходится признать, что такой подход принципиально отличается от апостольской проповеди. Представим себе, что Павел сказал бы афинянам в ответ на их недоуменные вопросы (Деян 17:19–20): «А вы почаще ходите в синодальную библиотеку в библиотеке такие-то книги, а еще хорошо бы вам выучить еврейский язык, и тогда все сами поймете». Не хочется даже думать, сколь печальными были бы результаты такой проповеди. Напротив, Павел не только восполнял языком, который аудитория прекрасно понимала, и стилистикой, к которой она привыкла, — он даже начал свою речь с похвалы за «особую набожность» (Деян 17:22), хотя имел все основания обличить слушателей в особом нечестии идолопоклонства (Деян 17:16)».

На аргумент о. Максима Козлова: богослужебные тексты «провозглашаются, поются и слышатся в Церкви почти каждый день или очень часто, то есть регулярно повторяются и поэтому прекрасно всем, кто неленостно посещает Богослужения, знакомы», А. Десницкий отвечает: «К сожалению, «знакомы» не значит «понятны». Кто же не знает этих рассказов про «я крокодила пред Тобой» (вместо «яко кадилло пред Тобой») и «всякому ... отложим по печени» (вместо «всякое отложим по печени») — и горький опыт учит, что эти истории не вымышлены. Достаточно посмотреть записки, подаваемые «за ящик» в каком-нибудь провинциальном храме — они пестрят «евромонахами», «прото-евреями» и «от рукавицами»; или расспросить членов комиссии, принимающей вступительные экзамены в семинарию, чтобы понять: далеко не все, что затвержено наизусть, было понято правильно».

Выход, который предлагает автор, — «некоторые ключевые, из раза в раз повторяющиеся молитвы и песнопения («Отче наш», Херувимская) можно оставить без перевода; вернее — не вводить их перевод в богослужение, оставив его в справочных изданиях с параллельным текстом. ...Но тексты, которые звучат редко, должны быть понятными. ...Полагаю, что сочетание русского и славянского языка в рамках одного богослужения не будет звучать нелепо. Ведь и сегодня славянская служба совершенно естественно сочетается с русской проповедью, а то и с русским чтением Апостола и Евангелия, тогда как не столь давно даже проповедь заменялась чтением святоотеческой литературы по-славянски. В зависимости от ситуации в конкретном приходе служба может идти исключительно по-славянски, или с добавлением русских элементов, или преимущественно по-русски. Но если перевод все-таки будет предпринят, это должно быть не косметическое «поновление», не застенчивая «русификация», а полноценный перевод на современный литературный язык».

Нужно сказать, что в последнее время стало появляться все больше статей, возвращающих вопрос о языке в тот контекст, с которого мы начинали этот обзор. Наиболее полно это проявилось в статье сотрудника Синодального миссионерского отдела прот. Димитрия Карпенко «Богослужение как вызов», опубликованной в 2009 году на портале «Православие и мир». О. Димитрий напоминает читателю:

«Хотим мы этого или нет, но восприятие совершаемого богослужения прихожанами в храм людьми во многом утратило свое первоначальное значение. Мы говорим «литургия», что означает «общее дело», но можем ли мы однозначно сказать, что для всех собирающихся в храм за богослужением литургия это действительно «общее дело»? К сожалению, такой уверенности у нас нет. Если бы это было так, то у нас в Церкви не существовало бы проблемы понимания богослужения, не существовало бы вопросов о «частоте» причащения, вопросов о возможности перевода богослужения на различные языки, вопросов о необходимости оглашения и так

далее. Все это было бы не вопросами и проблемами, все это было бы жизнью, которой должны жить верные чада Церкви. Но мы имеем то, что имеем, и поэтому сегодня, когда богослужение зачастую не воспринимается и не переживается как общее действо всего народа Божиего, именно оно и становится вызовом Церкви, потому как самим фактом своего постоянного совершения нам напоминает о том, чего в жизни сегодняшней Церкви нет».

О том, что проблема перевода богослужения не может быть оторвана от всех остальных проблем церковной жизни, говорит и проф.-свящ. Георгий Кочетков: «...необходимо хорошо понимать, что можно изменить язык богослужения — и это окажется недействительным, бесполезным, например, если не будут читаться молитвы анафоры вслух, если не будет народ церковный готов участвовать в богослужении, а не быть просто зрителем. Архиепископ Ионафан очень хорошо сказал на презентации шестого тома «Православного богослужения»: «Если не будет катехизации всего народа Божьего, то переводы не смогут достичь своей цели, во всяком случае, в полноте». Я с этим совершенно согласен. Поэтому надо постепенно двигаться к решению всех проблем. Но решать надо одну проблему, мы помогаем решать другие. Так что надо приветствовать всё, что способствует славе Господней, возрождению Церкви, собиранию всех её живых сил ради служения Богу и ближнему*».

Таким образом, дискуссия, как кажется, начинается и выходит наконец на верный тон и контекст; одним из подтверждений этому может служить судьба семитомника переводов богослужения, выпущенных под руководством о. Георгия Кочеткова. О том, что перевод богослужения действительно востребован в нашей церкви, говорит прежде всего то, что без остатка разошлись несколько трехтысячных тиражей перевода, и основными покупателями сборников были священники. Посмотрим, что же будет дальше.

Александра Колымагина

* Почему не «давайте все учить церковнославянский», а «давайте переводить». «Кифа» N15(105), ноябрь 2009 года.

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 8 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр «Преображение»».

Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Александр Копировский, Максим Дементьев, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Суцеский вал, д. 49
Тираж 1200. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 5 апреля 2011 г.
Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 8 апреля 2011 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), (499) 131-4769

(Ольга Филиппова), 8-905-553-6304 (Елена Голыгина),

(499) 158-9116 (Валерия Волкова), (495) 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-963-316-3981 (Анастасия Наконечная);

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);

Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);

Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)

Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)

ТЕМА ЛИТУРГИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ В ПУБЛИКАЦИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

В последнем номере нашего приложения был дан обзор самых свежих публикаций по теме литургических переводов¹. Сегодня, перед презентацией заключительного (даже более того — добавочного) тома серии «Православное богослужение» (подробнее о презентации можно прочитать на 8-й странице «Кифы») мне пришло в голову обратиться к более широкому контексту и посмотреть — пускай и бегло, к чему неизбежно обязывает нас жанр газетной статьи — как затрагивалась тема перевода православного богослужения с церковнославянского на русский в различных изданиях в течение последних 20 лет.

Скорее всего, первое в «постсоветский» период (хотя и очень краткое) упоминание об этой проблеме можно найти в опубликованной в 1991 году статье дьякона Всеволода Чаплина (ныне — протоиерея, главы Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества) «Катехизация через богослужение: неиспользованные возможности»². О. Всеволод считает: «Чтобы сделать богослужение понятным, вовсе не обязательно переводить его на русский язык. (Хотя, возможно, имело бы смысл вести по-русски службу в некоторых из городских храмов — для желающих)». Утверждение автора трудно оторвать от контекста всей статьи или, по крайней мере, её вступления: «Знают ли у нас богослужение? Вопрос этот кому-то может показаться оскорбительным: неужели в Русской Церкви, где так сильна литургическая традиция, можно вести речь о незнании верующими ее основ? Однако именно сейчас, когда формируются общецерковные концепции духовного просвещения, нам необходимо спросить самих себя: на каком уровне находятся знания прихожан о богослужении? Да и стремятся ли они внимать службе Божией?»

Вот что показал опрос, проведенный Великим постом в одном из крупных московских приходов среди постоянных, активных прихожан. На вопрос, память каких святых праздновалась в прошедшее воскресенье, из 25 опрошенных ответили один человек. Тему воскресного Евангелия также вспомнил лишь один прихожанин. Содержания, хотя бы примерного, одного из изменяемых песнопений субботнего всенощного бдения не раскрыл никто.

Те же самые вопросы — о памяти святых, теме евангельского чтения и содержания хотя бы одного тропаря, кондака, стихир — были заданы 22 прихожанам, бывшим в день опроса за литургией, а накануне — за великим повечерием и утреней. Празднуемых в этот день святых правильно назвали два человека, тему евангельского чтения — семь. Что же касается вечернего богослужения, то никто из опрошенных не только не мог сказать, что за ним пелось или читалось, но попросту не знал, как оно называется.

Богатейшая духовная сокровищница Православия, собранная трудами святых подвижников разных времен и народов, даже не раскрыта большинством наших верующих. И сегодня, когда мы теряемся в поисках приемлемых для Русской Церкви форм катехизации³, когда создается множество образовательных структур, заимствованных у западного христианства и в принципе весьма неплохих, но почему-то с трудом приживающихся в русских приходах, — нам полезно вспомнить о той форме духовного образования, которая существовала в России искони.

Этой проверенной веками формой была катехизация через богослужение».

Этот контекст — понимание жизненной необходимости осознанного участия в богослужении — поднимается в большинстве публикаций, так или иначе затрагивающих тему литургических переводов. Впрочем, есть и исключения из этого правила, и они очень показательны. О них мы тоже скажем в свое время.

Следующим заметным шагом в обсуждении темы перевода богослужения стали две статьи, опубликованные в 1994 году в «Журнале Московской патриархии»⁴. В статье филолога А.А. Плетневой «К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык» разговор касается прежде всего восстановления разорванной традиции:

«В последнее время всеобщее внимание привлекает вопрос о возможности перевода богослужения на русский язык. В печати появляются статьи на эту тему, причем авторы одних говорят о необходимости русского перевода, а другие доказывают его недопустимость. Наши реформаторы и охранители (оговорюсь, что для меня эти слова не несут никакой оценочной характеристики, а являются лишь синонимами к словам «сторонники» и «противники» перевода) чувствуют себя первопроходцами в этом деле и из-за прерванности культурной традиции часто не подозревают о том, что споры о возможности и нужности перевода богослужебных текстов на русский язык не умолкают уже более ста лет.

Начало дискуссии относится к середине XIX века и связано с появлением переводов Священного Писания на русском языке (сейчас даже трудно представить, что было время, когда для многих русская Библия была делом немыслимым и невозможным). В последней четверти XIX века появляются параллельные русско-церковнославянские издания богослужебных текстов, адресованные мирянам. Эти издания носили справочный, вспомогательный характер, их целью было облегчить понимание богослужения. В начале XX века при подготовке к Поместному Собору тема русских переводов начинает широко обсуждаться в печати. На самом Соборе Отделом по богослужению был подготовлен доклад (то есть проект соборного деяния), допускающий перевод богослужения на русский язык. Этот доклад был утвержден Совещанием епископов под председательством Патриарха Тихона, но соборно не рассматривался.

Дальнейшая история обсуждения этих вопросов связана с обновленческой смутой. Это инспирированное властями движение активно использовало в своей пропаганде ряд идей, выработанных церковным сознанием начала века. Однако политическая позиция лидеров обновленчества привела к тому, что идеи, на которых они спекулировали, были скомпрометированы. Неудивительно, что в статьях сторонников славянского богослужения вся история вопроса начинается именно с обновленчества, ибо охранителям удобно связывать любые реформы с обновленчеством, а не с деятельностью Поместного Собора Православной Церкви. Сторонники же перевода умалчивают о русском богослужении обновленцев, ибо им не выгодна такая ассоциация».

Приводя далее анализ основных положений и сторонников, и противников славянского богослужения, А.А. Плетнева отмечает, что аргументация у тех и других за прошедшие сто лет не изменилась.

В том же номере ЖМП филолог А.Г. Кравецкий в статье «Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия» рассматривает исторический контекст темы литургического перевода более подробно:

«Вопрос о литургическом языке и тексте богослужебных книг возник на начальном этапе подготовки к Собору. В 1905 году Святейший Синод обратился к

епархиальным архиереям с вопросами, касающимися предстоящей церковной реформы. В предложенном Синодом вопросе проблема литургических реформ не ставилась, однако двадцать архиереев в той или иной форме высказались о языке богослужения; эти отзывы были опубликованы...»

В марте 1906 года начинает работу Предсоборное присутствие, однако его отделы занимались главным образом вопросами реформы высшего и епархиального управления, прихода, церковного суда и др. Созданный для обсуждения проблем внутренней миссии VI отдел Присутствия затронул и вопросы богослужения, однако не счит целесообразным приступить к их детальному обсуждению, указав, что «ввиду важности и сложности вопросов <...> их касаться не следует, отложив решение их до завершения переустройства церковного управления».

В 1917 году Предсоборным советом был поставлен вопрос о богослужебном языке. На заседании Совета 10 июля 1917 года профессор Киевской Духовной Академии П.П. Кудрявцев сделал доклад о возможности допущения русского и других язы-

ков в богослужение. П.П. Кудрявцев допускал богослужение на национальных языках, однако понимал, с какими трудностями предстоит столкнуться переводчикам литургических текстов, и считал, что эти работы будут продолжаться многие десятилетия. По докладу П.П. Кудрявцева выступили

12 человек: епископ Андроник (Никольский), архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископы Сергей (Страгородский), Андрей (Ухтомский), протоиереи Ф.Д. Филоненко, А.П. Рождественский, С.И. Шмелев, миряне Д.И. Боголюбов, Н.М. Гринякин, профессор И.М. Громогласов. Решительным противником работ в этом направлении оказался только епископ Пермский Андроник (Никольский).

VI отделом были приняты следующие тезисы:

1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.
2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и неосуществима, и нежелательна.
3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинским речениями, введение новых молитвословий на русском языке в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.
4. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению.
5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.
6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.
7. Работы Комиссии Высокопреосвященного Сергея, архиепископа Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны».

Далее А.Г. Кравецкий приводит текст основного из этих тезисов доклада, который был передан Совещанию епископов, которое, в свою очередь, постановило передать его Высшему Церковному Управлению.

По мнению автора, «передача доклада Высшему Церковному Управлению означала, что он может быть проведен в жизнь без обсуждения на общем заседании. Характерно, что когда над Собором нависает угроза насильственного закрытия, принимается постановление: «В случае создавшейся для Собора необходимости приостановить свои занятия ранее выполнения всех намеченных задач предоставить Высшему Церковному Управлению вводить выработанные Собором предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях, с тем чтобы с возобновлением занятий Собора таковы предначертания были представлены на рассмотрение Собора».

На основании этого 23 мая (5 июня) 1918 года Соборным советом было постановлено «не рассмотренные Собором доклады отделов препроводить на благоусмотрение Высшего Церковного Управления». В число этих документов постановление «О церковно-богослужебном языке» не вошло. Постановление было принято, и Высшее Церковное Управление имело полное право осуществлять его».

В разделе статьи Кравецкого, озаглавленной «После Собора», речь в основном идет о проблемах, которые встали в связи с обновленческим расколом.

«До недавнего времени авторов практически всех публикаций, посвященных обновленчеству, в основном интересовал вопрос о роли карательных органов в создании «Живой церкви». Остальные проблемы отходили на второй план. Теперь, когда открытые архивные фонды рассеяло последние сомнения в том, что обновленческая смута была инспирирована властями, наступило время анализа вопросов, которые вставали в связи с обновленчеством.

Считается, что обновленцы были сторонниками перевода богослужения на русский язык и радикальных литургических реформ. Однако знакомство с официальными документами обновленцев показывает, что это миф. Чтобы не быть голословными, приведем единственное официальное высказывание обновленцев по этому вопросу — резолюцию Поместного Собора, точнее — обновленческой конференции 1926 года:

«Священный Собор Православной Церкви, заслушав доклады наличных церковно-обновленческими группами (так в оригинале. — А.К.) о церковных преобразованиях, считает необходимым, не вводя никаких догматических и богослужебных общеобязательных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно охранять единство Церкви; благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности».

Конечно, какую-то работу в направлении перевода богослужения на русский язык могли осуществлять представители мелких, находящихся на периферии движения обновленческих группировок».

Далее рассматриваются постановления Союза церковного возрождения («малочисленной организации, лишенной всякого влияния») и переводческая деятельность свещ. Василия Адаменко, принесшего в 1930-х годах покаяние митр. Сергию, получившего от него благословение на продолжение переводческой деятельности и мученически погибшего в лагерях. Приводится даже факсимиле справки, полученной сщмч. Феофаном (монашеское имя о. Василия) Адаменко от митр. Сергия.

Казалось бы, после состоявшейся в том же 1994 году печально известной конференции «Единство церкви» дальнейший диалог на тему литургического возрождения, и особенно на тему перевода богослужения стал невозможен и все публи-

кации, посвященные этому вопросу, будут похожи на следующий замечательный пассаж:

«Церковно-славянский язык — это не просто наше драгоценное культурное достояние, это особый мистический священный язык богообщения. Каждое слово в нем преисполнено таким глубоким смыслом, что перевести его на другой язык, даже близкий по корню, не потеряв чего-то существенного, невозможно. Церковно-славянский язык — это таинственный, ангельский язык, которым Церковь обращается к Богу. «Язык» — по-славянски — это народ. Всякий народ характеризуется в первую очередь общностью языка. Православные христиане — это «нов язык», новый народ, говорящий по церковно-славянски. Хочешь стать французом — так или иначе придется учить французский. Хочешь стать Православным — приобщись к церковно-славянскому». («Черная сотня» № 33–34, 1996 г.).

Однако тем не менее «горячая» тема продолжает обсуждаться, прежде всего в светской научной среде. Так, в 1997 г. выходит монография Н. Мечковской «Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий», где приводятся интересные данные, расширяющие исторический контекст проблемы:

«Вопрос о богослужении на русском языке горячо обсуждается и в Русской Православной Церкви. О нем говорили еще в конце XIX в. На церковном Соборе в 1917–1918 гг. 80% иерархов высказались за русификацию богослужения — иначе (повторялись слова апостола Павла) «люди не назидаются». Дискуссия продолжалась до 1943 г., пока ее не оборвало государство, запретив всякие попытки ввести русский язык в богослужение. Атеистическую власть вполне устраивало, что народ ничего не понимает в храме. После 1943 г. разговоры о богослужении на русском языке сразу воспринимались как церковное диссидентство, протестантизм и даже политическая неблагонадежность».

В 1998 г. в журнале «Континент» была опубликована статья священника Николая Балашова «Язык богослужения. Из истории церковной дискуссии в России».

Свои размышления автор начинает с риторического вопроса: «Можно ли молиться в церкви по-русски? Казалось бы, вопрос не из самых сложных. Однако в последние годы с ним связаны острейшие разногласия между православными верующими в нашей стране». И напоминает:

«Миссионерское значение проблемы очевидно. Нравится это давнишним прихожанам или нет, но среди молящихся в наших храмах теперь преобладают неопыты, у которых не было ни времени, ни возможности изучить употребляемый за богослужением церковнославянский язык. А это непростое дело, для пришедших же к вере на склоне жизни — чаще всего просто непосильное».

Большую часть следующего за этим текста статьи составляют прямые цитаты из документов Архиерейского собора РПЦ:

«Теперь, когда <...> Церковь вновь получила возможность свободного свидетельства о Христе, необходимость возрождения миссии в современном мире стала важнейшей и неотложной нашей задачей Русской Церкви и одновременно острой потребностью общества», — признал на Архиерейском Соборе в конце 1994 г. и Патриарх Алексей II. В связи с этим он предложил обратить внимание на «вопрос о приближении в миссионерских целях литургической и иной культу-

ры Православия к пониманию наших современников», признав, что «большинство наших соотечественников утратило чувство преемства и развития православной культуры» и что особенные трудности в восприятии культурных средств, употребляемых в Церкви, испытывают новообращенные: «Глубокий духовный смысл богослужения подчас не постигается этими людьми. А ведь наши литургические тексты могут быть величайшим средством учительного, просветительного, миссионерского служения Церкви <...> Вот почему мы призваны подумать о том, как сделать богослужение более доступным людям».

А вот решение, принятое Собором в ответ на это обращение Святейшего Патриарха. Оно записано в итоговом определении «О православной миссии в современном мире»:

Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступными их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов <...> Имея в виду крайнюю необходимость развития практических церковных усилий в указанных направлениях, Архиерейский Собор определяет: поручить Синодальной комиссии по богослужению:

продолжить начатые, но не завершённые Поместным Собором 1917–1918 годов труды по упорядочению богослужебной практики;

продолжить редактирование богослужебных текстов, начатое в нашей Церкви в начале текущего столетия;

обсудить иные вопросы, связанные с миссионерским значением православного богослужения и церковной культуры.

В состав Комиссии включить представителей синодальных учреждений, духовных школ и иных церковных учреждений, а также православных ученых — историков и филологов.

Приведенные материалы Собора вполне доступны любому заинтересованному читателю. Не стоило бы и цитировать их столь подробно, если бы вскоре они не оказались как будто забыты.

Синодальная богослужебная комиссия год спустя была учреждена, хотя состав ее оказался намного более узким и однородным, чем предусматривалось в соборном решении. Из отчетов, публикуемых в церковной печати, видно, что комиссия провела немало заседаний. Проведена бесспорно нужная и полезная работа по составлению и редактированию служб новоправославным русским святым. Обсуждались и некоторые другие частные вопросы богослужебной практики. Но ничего пока не слышно о практических шагах комиссии к осуществлению главного поручения Архиерейского Собора: сделать богослужение более доступным. А прошло между тем со времени образования комиссии уже три года⁵.

Далее о. Николай пишет: Осведомленность в истории спорного вопроса и вообще в истории церковного богослужения подменяется яростным шельмованием оппонентов в стиле, живо напоминающем партийные чистки былых времен. Вот лишь один пример из множества. Преподаватель двух известных духовно-учебных заведений заявляет: «Всякий человек, который сейчас пытается поставить всерьез задачу перевода церковнославянского богослужения на русский язык, свидетельствует только об одном: либо о своей феноменальной невежественности, либо о совершенно определенных (вероятно, масонских? — авт.) целях и заданиях, о которых он до времени просто не желает сообщать своему окружению». Для справки стоит сообщить читателю, что возобновить общецерковное обсуждение вопроса о литургическом использовании русского языка предлагали, например, старейшие из здравствующих архиереев Русской Православной Церкви митрополит Суражский Антоний и архиепископ Михал, бывший Вологодский и Великоуст-

южский, ныне профессор Санкт-Петербургской духовной академии...

...Сказанного, думается, достаточно, чтобы показать, сколь заслуженных деятелей нашей Церкви решил одним махом дискредитировать наш ретивый автор. Поэтому не будем далее множить ряд имен известных пастырей и ученых, защищавших в недавние времена «литургические права» родного русского языка. В конце концов, ссылка на авторитеты не решает дела. Поинтересуемся лучше мнением рядовых прихожан, которые не пишут статей и не выступают на богословских конференциях. Ведь именно о них в первую очередь Церковь должна проявить свою пастырскую и миссионерскую заботу.

Некоторое представление об их взглядах могут дать любопытные данные недавнего социологического опроса, проведенного в Москве. За то, чтобы богослужение проводилось на современном русском языке, высказались 35% респондентов, а 28% опрошенных предпочитают сохранение церковнославянского.

...Должен признаться, каждая из этих позиций мне по-своему близка. С одной стороны, так понятна любовная, бережная привязанность к существующим формам «намоленной» славянской речи. И для меня они стали родными — давно и крепко. А знакомство с существующими опытами перевода богослужебных текстов на русский язык почти всегда доставляло мне некоторое разочарование. Что-то не так, что-то ускользает...

Но в то же время мне больно видеть, как эти любимые нами, возвышенно-прекрасные формы церковнославянского богослужения для многих становятся препятствием на пути ко Христу и к Церкви. Уж слишком они недоступны для восприятия наших современников, воспитанных в секуляризованном обществе. Разве мы вправе возлагать на них бремена неудобносимые, подобно известным религиозным учителям и ревнителям отеческих преданий, которые осудили Самого Христа? Разве мы смеем сказать: вы — не наши; вот, выучите славянский (мы же выучили!), станьте как мы, тогда и приходите в Церковь?

Да, со временем многие из них привыкают — не столько понимать по-славянски, сколько думать или молиться о чем-то своем на фоне умирительного звучания церковных песнопений с их чарующей загадочностью. А еще — не задавать лишних вопросов, не доискиваться смысла, а лишь смиряться, смиряться, смиряться... Другие же не привыкают. Эти большей частью уходят — в никуда, или в другую конфессию, или просто посещают храм всё реже и реже. Не чрезмерна ли цена нашего религиозного эстетства, если из-за него погибнет хоть одна душа? А счет, боюсь, идет на тысячи, если не на многие десятки тысяч. Что скажет Господь нам, которые назывались пастырями и отцами, но вместо хлеба давали просящим если не камень, то уж очень, очень твердый сухарь?»

Далее автор подробно, с многочисленными цитатами, описывает ход дискуссии о языке богослужения в предсоборные и соборные годы и завершает свою статью словами:

«В заключение хотелось бы вновь повторить центральное утверждение замечательного доклада П.П. Кудрявцева: практическое разрешение вопроса об обновлении нашего богослужения, о творческом развитии литургической культуры зависит более всего от общего состояния творческих сил Русской Церкви. Наступит ли их долгожданный расцвет теперь, когда все внешние препятствия к тому вроде бы отпали?»

Увы, препятствия внутренние преодолеваются едва ли не трудней. Нездоровая подозрительность, самоуверенность, нетерпимость, — а проще сказать, недостаток любви, которую только и созидает тело Церкви, пока что не позволяет нынешним приверженцам консервативной и новаторской тенденций по-настоящему встретиться, чтобы услышать другую сторону с предельной серьезностью и уважением.

Бесплодное дело — рассуждать, кто больше в этом виноват. Важно другое: сможем ли мы исцелиться от этих недугов? Сможем ли от разрушительного противостояния перейти к диалогу, к осуществлению той самой соборности, о которой часто говорим всуе? Сможем ли вовремя подумать о тех, кто стоит далеко от

наших внутренних споров и так нуждается в нашем участии и понимании?

Хочется надеяться. Иначе миссия Русской Церкви в окружающем ее обществе не может быть успешна. Кто нас услышит, если мы не желаем слушать друг друга?»

К сожалению, призыв к дискуссии и в этот исторический период так и не был услышан. И первые публикации, напоминающие дискуссию о языке богослужения, мне удалось найти лишь ближе к середине 2000-х годов.

Одна из них очень показательна: это опубликованное в газете «Кифа» письмо семинариста МДА. Студент 4-го курса завершает свою статью «Зачем переводить богослужение на русский?» словами:

«Несомненно, необходимо продолжить начатое еще в конце XIX — начале XX века дело редактирования богослужебных книг и приближения церковнославянского языка по структуре к русскому. Кроме того, теперь уже, вероятно, есть смысл начать серьезную работу по созданию литургического русского языка. Разумеется, нельзя совсем отказываться от славянского языка. Да этого и не произойдет (в монастырях, например, естественнее будет сохранять его). Просто нужно предоставить равную возможность тем приходом, которые изъявляют желание совершать богослужение на русском. А чтобы дать народу возможность выбора, можно уже сейчас по местам совершать богослужение на русском языке. Для этого мы имеем достаточное количество неплохих переводов богослужебных текстов, как выполненных в конце XIX — начале XX веков, так и современных. Вполне можно было бы осуществить это в нашей Академии, как это было в свое время в храме Ленинградской Духовной Академии. Ведь у нас в Московских Духовных школах есть два своих храма, в одном из которых неплохо было бы периодически, заранее объявив, тщательно подготовившись и испросив благословения Патриарха, совершать богослужения на русском языке. Служим же мы раз в год литургию на греческом языке без всякого соблазна со стороны верующих. И нет, кажется, серьезных поводов бояться раскола в связи с возможным переводом богослужения на русский язык. Не возникло ведь такого раскола в Православных Церквях Сербии, Болгарии, Молдавии, где полностью или частично богослужение переведено на современные национальные языки.

В наше время, по-видимому, представляется необходимым не только продолжение действительно соборного, с учетом различных мнений, обсуждения этого актуального вопроса, но и конкретные попытки продвижения по пути его решения. Хочется верить, что наше священноначалие открыто благословит и поддержит такие попытки, и что за это дело возьмутся, наконец, глубоко верующие, и к тому же талантливые люди, настоящие профессионалы своего дела, которыми не обделил Господь нашу Церковь и сегодня. И тогда, водительством Святого Духа, никогда не оставляющего Православную Церковь, мы сможем достойно наших отцов, новомучеников и исповедников Российских, осуществить намеченное ими дело творческого обновления нашего литургического языка».

Окончание обзора — на с. 8 «Кифы»

¹ Иван Петров. *Может быть, мы не все знаем про нашу церковь? «Язык Церкви» №3 (приложение к «Кифе» №16(122)), декабрь 2010 г.*

² «Церковь и время» № 1, 1991 г.

³ Напоминаем, что это написано 20 лет назад. Можно лишь с сожалением констатировать, что поиски приемлемых форм катехизации (как и размышление о связанных с этим проблемах) на общецерковном уровне возобновились в Русской православной церкви лишь год-два назад...

⁴ Статью Ю. Исатова «Готовят новый раскол?» в «Русском вестнике» №1 за 1994 г. мы не упоминаем в тексте обзора, т.к. она не содержала никаких аргументов, кроме ругательств в адрес сторонников перевода. Однако для понимания контекста нужно напомнить о её существовании.

⁵ Остается с прискорбием напомнить, что те же слова пока что можно повторить и сегодня, через семнадцать лет после принятия соборных постановлений.

